

ОТЕЦ МИСАИЛ

Святая Гора Афон
2016

Предисловие

В ночь с 19 на 20 января 2013 года преставился ко Господу схиархимандрит Серафим (Томин). Сложно говорить о батюшке в прошедшем времени. Еще труднее произнести слово «умер».

Все понимали, что отец Серафим может оставить нас. И никто не верил в это. Отчасти потому, что уже не один раз предсказания врачей о том, что дни батюшки на этой земле сочтены, не сбывались, и каждый раз чудом Господь оставлял его на служение Богу и ближним. Отчасти потому, что никто не мог представить себе жизни без любимого старца.

То, что батюшка умирает, к этому уже привыкли все, кто знал его последние десять лет. Очень часто можно было услышать от него на вопрос о его здоровье знакомое всем его духовным чадам протяжное: «Я умираааю!»

Самое удивительное, что это была не метафора. Действительно, если посмотреть на всю жизнь отца Серафима – это жизнь на грани смерти и на пределе человеческих возможностей. Даже крестили его в день, когда родился: думали не выживет.

И вот все его 89 лет жизни были постоянным торжеством силы Божией, совершающейся в немощи человеческой, непрекращающимся чудом преодоления тленного нетленным, свидетельством непобедимости человеческой

души, сочетавшейся со Христом. И в смерти своей, в этом чуде рождения души в жизнь вечную, батюшка не оставил своих детей, так он называл своих духовных чад, исходатайствовал им всей своей жизнью утешение по своему отшествию из этого мира.

Все, кому довелось побывать в Никольском кафедральном соборе во время прощания и на чине отпевания, которое возглавлял митрополит Оренбургский и Саракташский Валентин, в сослужении епископа Бузулукского и Сорочинского Алексия, многочисленного духовенства; все, кто потом сопровождал отца Серафима (именно так все говорили, ни у кого не получалось произнести слово «тело», потому что переживание присутствия личности батюшки было практически у всех), до Свято-Андреевского монастыря места его упокоения, которое он выбрал сам, все помнят это чувство светлой и тихой радости, которая не давала скорби и печали полностью завладеть сердцами детей, потерявших отца. Как будто все присутствовавшие узнали достоверно, что отец Серафим в очередной раз победил смерть, как это бывало не раз в его долгой жизни. И победу эту даровал ему Христос, Которому с самого своего детства Миша Томин, позже монах Мисаил, потом уже и схимник Серафим, отдал свою жизнь, силы, всего себя. Поверив, что не принесет плода человек, если не умрет ради Господа, наш батюшка умер для страстей и по-

хотей мира сего, но ожил для Бога и для ближних своих. И мирная его кончина, огромное количество душ человеческих, которых он привел ко Христу, созданный им монастырь – все свидетельствует о том, что упование его было неложным, что сбылись на нем евангельские слова: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19:29).

Все понимали, что отец Серафим может оставить нас. И никто не верил в это. Так и случилось. Батюшка не оставил нас. Не только верим, но и знаем уже, что предстоит наш старец пред Господом и молит Владыку всех о помиловании своих духовных чад, всех православных христиан и всего мира, как и положено схимнику.

А мы приходим на могилку за алтарем Михаило-Архангельского храма Свято-Андреевского монастыря, где завещал отец Серафим похоронить его, и просим его молитв, как мы привыкли это делать при жизни его, и также слышит он наши убогие просьбы, и утешает, как это мог только он делать. Батюшка, батюшка... Ты не умер!

Братия Свято-Андреевского монастыря

Глава 1

Детство и отрочество. Первые гонения

Схиархимандрит Серафим, в миру Михаил Константинович Томин, родился в бедной крестьянской семье в селе Бараково Шарлыкского района 8 ноября по старому стилю в 1923 году, в 3 часа ночи, под праздник святого Архистратига Божия Михаила. В 9 часов утра его крестили, так как боялись, что не выживет. На литургии в тот же день причастили. Михаил был первым сыном своих родителей Константина Леонтьевича и Александры Григорьевны Томиных.

Принимала роды Мария Димитриевна Антипова, как ее ласково называли в семье Томиных «бабушка-повивушка», она принимала все роды у матери Михаила. С ней связано первое пророчество в семье Томиных о будущем Михаила. Когда она взяла его в руки после рождения, то воскликнула: «Григорьевна! Кого ты родила! Твой мальчик будет монахом!». «Святой жизни была бабушка», говорит о. Серафим о ней, он причащал ее перед смертью в возрасте 106 лет. Она воочию увидела при жизни исполнение предзнаменования о Михаиле, что он будет монахом.

По паспорту Михаил записан 1924 годом рождения. Этому была следующая причина. Регистрация рождений до 1929 года велась в церкви по метрическим книгам, затем передали

в сельсовет. В Бараково гражданскую регистрацию вел старый учитель Арсентий Никитович Логинов. У него был сын Николай. Он, чтоб сына раньше не взяли в армию, взял четыре метрические книги за 1921–1924 гг. и сжег. Поэтому, когда Михаилу выдавали паспорт, в нем указали 1924 г. На эту ошибку Михаилу потом указал его крестный, его родной тети муж, Филатов Алексей Константинович: «Что же это они там написали, в 23-м году тебя крестили».

Отец Михаила, Константин Леонтьевич, был единственным грамотным в семье, закончил четыре класса церковно-приходской школы. Мать, Александра Григорьевна, была неграмотная. Заболела грудницей, она не смогла кормить сына грудью. Его кормили искусственно, был такой специальный сосок, через него давали молоко, каши. Не брал Михаил грудь и других кормилиц, плакал. Михаил был лишен материнского молока, но когда у него прорезались зубки (он еще тогда не разговаривал), и ему стали давать птичье мясо, то он не мог его принимать, плакал и выплевывал. Когда ребенку исполнилось три года, ноги его все еще оставались «калачом», как у рахитичных детей. Это очень тревожило его родителей и они скорбели.

Схимонахиня Зосимия (Суханова) канонизирована Русской Православной Церковью в лике местночтимых святых Уфимской епархии 11 июня 2006 года.

Отец Серафим вспоминает:

«Когда мне исполнилось три года, ножки мои оставались скрюченными, как у рахитика. Это было в 1926 году. В то время, в райцентре Шарлыке, жил высланный из Москвы профессор Александр Афанасьевич Барынин, осуждённый как человек высокого рода. Раб Божий. Александр Афанасьевич, осмотрев мои ножки, сказал, что это «болезнь не физическая» и велел обратиться к схимонахине Зосимии из Эннатского Покровского монастыря. Покровский Эннатский монастырь был в 35 км от Бараково, он был закрыт к тому времени. В 1922 году всех монахинь и послушниц (около 30 человек) арестовали, а матушку Зосимию по возрасту не арестовали. Матушке Зосимии было за сто лет. Ее верующие забрали из монастыря в село Новоархангеловка, в народном названии – Дёма. Во дворе поставили ей келию, в келии она и жила. Схимонахиню Зосимию в миру звали Евдокия Яковлевна Суханова. Годы жизни ее – 1 марта 1820 г. – 1 марта 1935 г. В схиму ее постригал епископ Андрей (Ухтомский) в Эннатском монастыре. Она запрещала вступать в колхоз, ходить в обновленческую церковь, многие архиереи приезжали к ней за советом.

Положившись на милость Господню, родные решили везти меня к старице. Папа запряг жеребца в тарантас, но сам не мог ехать. Мои родные, мама, бабушка Евдокия Васильевна Томина,

ее дочь, моя няня, Томина Фёкла Максимовна, помолившись перед дорогой и дав обещание по дороге ничего не вкушать – «Когда возьмем у матушки благословение, тогда будем кушать», рано утром отправились в путь. И всего-то надо было проехать 19 километров, до Шарлыка 10 км, а от Шарлыка до Дёмы 9 км, так что, можно было одним днем туда и обратно съездить.

Дорога шла через небольшую гору – Прямыцу, так называется она в народе. И на этой горе родные, нарушив свое обещание, не удержались и в пути наелись. Подъезжают к келье матушки Зосимии в селе Дёма. Здесь всегда толпилось много народа, приехавшего к матушке Зосимии с Саратовской, Самарской, Уфимской, и Оренбургской областей. День и ночь ехали. Она исцеляла и людей, и скот. У кого вещи пропадали, она говорила, где вещи лежат, но имена воров не указывала. Такая была благодатная старица.

Попасть в келию старицы было не так-то просто, но в тот момент, когда мы подъехали, старица вдруг сама вышла из келии. Увидев нас, она укоряюще произнесла: «Я вас не приму! Как вам не стыдно! Вы дали обещание, пока не возьмем благословение у матушки Зосимии, кушать не будем, а вы на горе Прямыце остановили жеребца» – Как вам не стыдно! – и наелись! Я вас не приму! Родные мои тут же заплакали. Плакали, плакали... Матушка Зосимия потом обратилась к моей маме: «Ну, молодушка, иди ко мне с ребёночком». Уже в

келье у старицы мама спешно принялась объяснять: «Да вот, матушка, первый сыночек, несчастный совсем, я грудью его не кормила, у меня груди болят, ребенка кормить не могу». – «Как бы онпил твое молоко! Ты доишь коровку, корова – буйная, брыкается, а ты чёрным словом ругаешься! Твой мальчик, потому не сосал груди, что он будет у тебя монахом». – «Матушка, он и мяса не ест!» – «Не будет монах мясо есть, разве монахи мясо едят? Он будет на Афоне, в высоком сане, и помрет на Афоне. Так что мясо он совсем есть не будет, как и последний твой сын».

Так оно все и вышло: я – монах и мясо ни разу в жизни своей не вкушал, и мой младший брат, четырнадцатый ребенок в семье, тоже никогда мяса в рот не брал. Вот какая была матушка. Она несколько раз пешком через Турцию в Иерусалим ходила. Была у матушки Зосимии кипарисовая кадочка, а в ней святая вода из реки Иордан. Старица помочила мои скрюченные ножки в этой воде и они тут же выпрямились. «Будет стоять! Будет стоять! Будет стоять!» – сказала трижды она. Перекрестила мне макушку, поцеловала... Это мне рассказывали мне близкие уже потом. Родных она простила и на дорогу дала святой воды. И что за радость была, что за веселье, когда весь обратный путь я ехал, стоя на своих исцеленных ножках».

С матушкой Зосимой связано еще одно воспоминание отца Серафима о детстве: «В

1935 году отец Михаила как один из грамотных в селе был председателем сельсовета села Бараково. У него были, как у председателя сельсовета, тарантас и прекрасный племенной жеребец, который стоил больших денег. Вызвали его на районное заседание в Шарлык, было это где-то в начале Петрова поста, летом. После заседания он с товарищами немного выпил и, возвращаясь из райцентра, не смог управлять лошадью, отпряг жеребца, привязал к тарантасу, дал ему сенца, а сам лег под тарантас. Это было около развилки дорог, на Бараково и Мустафино. Проезжали мимо из соседнего села Мустафино двое татар, отвязали жеребца, взяли сбрую и увели его, ибо татары едят конину. Проснувшись, отец сразу протрезвел, сам привез тарантас домой. Сколько не искал сам, и все мужики из села нигде жеребца не было. Несколько дней всем селом искали по всем оврагам. Отец лежал на кровати и плакал. Высох весь, один нос остался, вся семья плачет, стон стоит. За растрату такого ценного жеребца ему грозила тюрьма, а дома оставалась беспомощная мать с семьей детьми. Мать отца жила с нами, ибо дедушку еще в 1921 году, когда был голод и он поехал в Ташкент за хлебом, там его зарезали. Мать отца слышала от других, как находят ворованное по словам матушки Зосимии, решила идти к ней. «Костя, я пойду в Синцовку, – сказала она отцу, – может матушка Зосимия сможет сказать, где жеребец».

До Синцовки было более 50 километров. Мне было 11 лет, я попросился, чтобы меня она взяла с собою. Одеда она лапти и мы пошли. Всю дорогу шли плакали, молились, вброд переходили через реку Салмыш, шли и очень устали. Когда пришли в Синцовку, увидели как в церкви женщины веют веялками пшеницу, спросили у них, где живет матушка Зосимия, нам показали, что надо идти через мост. Вся улица, где жила матушка Зосимия, была запружена приехавшими к ней страждущими людьми. Люди шли больные, вели больную скотину, были и психически больные, связанные цепями. На улице стояло много телег, в одной из них лежала бесноватая. Матушка Зосимия жила отдельно в маленькой келье во дворе одних благочестивых хозяев. Был полный двор народа. Матушку из келии вывели под руки две монахини, она была в монашеской схиме. Роста она была небольшого, ей было 115 лет, от старости ее веки не закрывались, но смотрели на людей с необыкновенной любовью. Медленно она перекрестила людей и благословила. Все поклонились. Люди молились, некоторые плакали. Она обратилась к нам: «Дарья из села Бараково с Мишунькой идите сюда». Бабушка сразу заплакала, ибо никогда не была у матушки Зосимии. Мы подошли. Она стоит на крылечке кельи и так грозно говорит: «Дарья! Дарья! Что ж твой Костя сделал! Беда! Тюрьма ему грозит». Мы с бабушкой плачем. «Но да, жив жеребец, на мясо его от-

кармливают в соседнем селе Мустафино. Придешь домой, скажи Константину, чтобы шел в село Мустафино поздно вечером, и в седьмом доме от Шарлыка, с краю села как зайдет, ищет жеребца, но не с улицы, а со дворов сзади, берёт жеребца и уводит». Мы обрадовались.

Заводит нас матушка Зосимия в келью свою, внутри нее стол, гроб стоит на скамейке. Берет она перламутровый крест из Иерусалима и говорит мне: «Мишунька! Вот с этим крестом тебя будут постригать в монашество» и отдает мне это крест. Также на память матушка Зосимия подарила мне очень красивый ящичек для просмотра живописных картин по Иерусалиму, который остался у нее из одного пешего посещения святого града Иерусалима. Шли мы всю обратную дорогу плакали от радости и молились.

Так всё и вышло, как сказала матушка Зосимия. Придя домой, бабушка подробно рассказала отцу про разговор с матушкой Зосимией. Взял отец уздечку и часов в одиннадцать вечера пошел в Мустафино, в километрах десяти от Бараново. И как только зашел вечером в село, подойдя сзади к седьмому двору, жеребец заржал, узнав хозяина. Отвязал он его тайно и поскакал обратно. Так он и вернулся домой. Но отца с председателями сняли, в тюрьму не посадили и в партию не приняли. Стал работать он простым механизатором на комбайне. А Михаил с данным матушкой крестом из Иерусалима, по её пророческим сло-

вам, впоследствии принял монашество и свято хранил его всю жизнь, как Божье благословение».

Сохранилось еще одно воспоминание у о. Серафима о матушке Зосимии:

«Незадолго до своей кончины старица объявила своим близким: "Как родилась я 1 марта, так и умру в этот день. Вы смерти моей не увидите. Похороните, а на третий день чекисты раскопают могилу. В гроб положат меня лицом вниз. Вас всех арестуют, кроме одного человека. И если все так и будет, то я Господу угодна. Приходите на могилку я все услышу".

Так всё и было. Умерла старица 1 марта. Была ночь и смерти ее никто не видел. После похорон чекисты из Шарлыка раскопали могилу, открыли гроб, сняли облачения, искали золото, но не нашли. Издеваясь, положили вниз лицом в гроб. Духовных чад её вскоре арестовали, лишь один человек сумел чудом скрыться. Прожила схимонахиня Зосимия Эннатская 115 лет. И упокоил ее Господь в селе Синцовка Шарлыкского района. Схимонахиня Зосимия была великой старицей. Сотни людей получили исцеление по ее молитвам».

Как только Миша начал ходить, он не выходил из церкви. Дом Томиных был в центре села, рядом с церковью. Батюшка у нас был отец Григорий Семенович Малахов, из села Рождественка. Алтарницей была матушка Алевтина

Томина, монахиня Уфимского монастыря. Монастырь закрыли, матушка попала в тюрьму и после нее жила в Бараково. Она сшила Мише стихарик, когда ему было пять лет.

«Я большой подсвечник пономарский не мог еще поднять. Кадило длинное было, держал его выше головы. Однажды я на малом входе на вечерне впереди батюшки Царскими дверями зашёл в алтарь, стою у престола с подсвечником. А батюшка зашел, поцеловал престол и говорит: «Мать Алевтина, мать Алевтина! Мишунька священником будет!». Шести лет я пел дисконтом в храме. Стоя на табуретке, читал Апостол, часы. Батюшка меня очень любил. Зимой, в буран, носил в церковь в тулупе. А как я начал ходить в церковь, то уже не пропустил ни одного дня. Ставили меня на табуретку посреди церкви. Пел и читал. Перед амвоном пели: альтом – Ольга, девушка, лет 15-ти; вторым тенором – моя двоюродная тётя Поля, которая меня нянчила. Чудное было триольное пение. После службы батюшка подымет меня, целует, целует меня, расплачется и говорит: "Мать Алевтина! Если бы не безбожная власть, я бы его на Афон отправил".

С детства Михаил любил молиться. Умел начинать, но бросать не умел, так и засыпал с молитвой. Проснувшись ночью, слезет с печи и давай класть поклоны. Увидит мать, что Миша молится, и спать гонит. Боялась, что с ума сойдет. Прыгнет Миша на печку, затаится. Потом

снова спустится и кладет поклоны. Но больше всего в жизни он любил ходить в церковь. Оденется в субботу с вечера в доме и ждет утра, потому что знал, что родители на службу не разбудят рано, к четырем часам утра. Не спал всю ночь, чтобы не проспять, ждал, когда колокол прозвенит, чтоб бежать в церковь.

Миша не любил играть в детские игры. Но иногда играл, придя из храма, в «церковь». Одна коровья кость – «батюшка», другая – «дьякон». Но как стал постарше, понял, что нехорошо играть в такую игру.

Отец Мише молиться не давал, так как боялся что он сойдет с ума. Миша стал уходить на сельское кладбище. Посреди кладбища стоял окованный железом крест. В 1921 году в селе повально умирали от голода, и верующие собрали деньги и поставили крест на общей могиле. И так любил Миша на этот крест ночами молиться! Уснёт под крестом, а утром отец идёт на кладбище и уводит домой.

Однажды вечером, когда стемнело, шёл Миша на кладбище и в воротах кладбища увидел высокий белый образ костлявого скелета, устрашающе лязгающего руками, но так хотелось помолиться Богу Мише, что без всякого страха он перекрестил чудовище, оно и ухнуло вниз, не оставив и следа. А Миша со слезами и с благодарением Богу провел опять всю ночь перед любимым Распятием. Зимой на кладбище не удобно

было молиться. А дома молиться не давали. Стал Миша спускаться в каменный погреб, там на картошке кладет поклоны, да так и уснёт. В школе на него рукой махнули: «Попёнок! Монашонок!». Только первый класс Миша проучился полностью, потом стали его исключать за веру. Но Господь хранил. Когда в школу приехал инспектор из района, то стал со всех учеников срывать и ломать кресты. У Миши крест сохранился, так как его выгнали из школы перед этим и он был дома. Только семь классов закончил Михаил, в последний год учился всего сорок два дня. Отец ездил в район, упрашивал принять экзамены у сына, Михаил их сдал на отлично. Но в восьмой класс его уже не взяли. Это было в 1937 году.

Ярким впечатлением о детстве у о. Серафима была праведная жизнь священников села Бараково Григория Малахова, Иоанна Сурайкина и искренняя вера односельчан:

«В моём родном селе была церковь Георгия Победоносца. Чудная церковь. Сначала служил там батюшка Григорий Малахов. И какая ревность, какое дерзновение к Богу у людей тогда были. За каждого покойника сорок дней молились, не так, как сейчас сорокоуст за всех вместе служат. Праздничные службы в четыре часа утра начинались и в полдень заканчивались. Как ударят в большой колокол, все – и дети, и старики – в церковь идут. Ещё темно на улице, мороз

под сорок градусов, а народ Богу молиться идёт, только снег скрипит под ногами. В храме казалось было холодней, чем на улице, окна одинарные, потолок не утеплённый, в тулупах и валенках все молятся. Когда "Верую..." и "Отче наш..." все вместе поют, пар изо ртов валит – в метре ничего не видать. Церковь огромная, иконостас пятиярусный. А надышат – с потолка капает, на киотах – испарина. И никаких сектантов в округе не было. Только рядом татары жили, так они, проезжая мимо храма, шапки снимали».

В то время в Оренбуржье было много обновленческих приходов, но в Бараково обновление не приняли. Владыка Андрей (Ухтомский), епископ Уфимский, один из ревностных борцов с обновлением, когда приходил из тюрьмы, то он обходил свои приходы, которые не признавали обновленцев, такие приходы называли андреевскими.

Архиепископ Андрей (Ухтомский). 1934 год. О нем рассказывает отец Серафим:

«Он пешком пришел в Бараково примерно в 1932 году. В простой рясочке, с палочкой в руках, в скуфеечке, в лаптях. Все село сбежалось: «Владыка, Владыка Андрей!». Встречают, берут благословение. Под трезвон колоколов торжественно встречали, священник вынес блюдо с крестом. Владыка Андрей зашёл Царскими дверями, а я сбоку привстал. Он снял скуфейку и мне надел. У меня голова была небольшая, скуфейка скры-

ла меня с головой. А батюшка Григорий говорит: «Владыка, сними с Миши скуфеечку». А он, смеясь: «Нет, нет, пусть носит. Он будет монах». При одном из арестов данная Владыкой скуфеечка потерялась, о чем я горько сожалел.

Отца Григория Малахова перевели в другой приход – в село Максимовка Матвеевского района, там его арестовали и расстреляли. Матушка его замёрзла на улице, ибо из жителей никто не принял ее, боясь репрессий. В Бараково прибыл отец Иоанн Сурайкин. Духовной жизни был батюшка. С матушкой жил на квартире, дом священнический к тому времени отобрали, сельсовет сделали. Тоже ревностный был батюшка, обладающий даром слёзной молитвы. Только начнет читать акафист, слёзы так и польются градом, проплачется и лишь потом продолжает читать...

Что за жизнь была! Царствие Божие! И как все оборвалось.

В 1929 году церковь в Шарлыке была закрыта. В других селах округа тоже храмы позакрывали. В 1934 год на Благовещение в Бараково съехались верующие из 20 сел. Службу начали в четыре утра, колокола звенели как никогда, и до 13 часов шла служба. Храм не вмещал людей и, как только утренняя отошла, чекисты прямо из алтаря батюшку вывели. Народ весь в слезах, боязно ропщет. А я побежал к сторожке церковной, которую отобрали под молочный пункт, за кипятком. Выбегаю с кувшинчиком в голубом благовещенском стиха-

ре, увидел, батюшку ведут, следом бегу. Что-то кричу, уж не помню. Меня заодно и взяли, а затем еще трёх активных членов общины: монахиню Алевтину (Томину), девицу Ксению Ивановну Кузнецову и старосту Илию Максимовича Томина. Народ не разошёлся, шумит. Всех арестованных обыскали в сельсовете. Три дня мы просидели в колхозном амбаре. Было холодно, а я в стихаре и без шапки. Отец Иоанн с себя скуфеечку снял и мне на голову надел. До сих пор тепло ее помню. И запах пота и ладана. А сам он, старенький, без скуфьи мерз. Батюшке было 83 года. Он был необычайный молитвенник, не мог молиться без слез. Через три дня нас с о. Иоанном увезли на дровнях в Шарлык, его там расстреляли, потом по частям сожгли в печке. Остальных осудили на три года тюрьмы. Венцы, венцы мученические... Они кому попало не достаются. Меня, как несовершеннолетнего, из тюрьмы выпустили. Когда ночью, пройдя десять километров, я вбежал в сенцы, отец открыл дверь, взял кутузку ременную и так выпорол, что стихарь на мне был изрублен, как топором».

Три месяца Миша провалялся на печке без движения. Но ни родители, ни сельсовет, ни школа ничего не могли с ним поделать. Наступило тяжелое время – 1937 год. Все храмы были закрыты, священников арестовали. В Оренбурге все храмы тоже были закрыты до 1944 года. Только 12 апреля 1944 года был первым открыт Никольский кафедральный собор.

Отец выгнал Михаила из дома. Отрок построил себе келью во дворе и стал мастерить ведра, табуретки, шкафы, столы; клал печи, крыл жестью крышу, работал кузнецом, краснодеревщиком, портным. Все село поражалось! Нигде не учился – самоучка. С мальчиками он не дружил, сторонился детских игр. Помогал родителям и в церкви священнику. С детских лет держал посты благодаря поддержке бабушки, не нарушал ни среды, ни пятницы. В то время прочёл он, как раньше монахи «пещеры» копали, и тоже решил пещеру выкопать. Три месяца копал втайне от всех. Ночью мешком носил землю к реке, чтобы никто не знал о его задумке. Наконец выкопал пещеру. Знала о ней только бабушка, мать отца. Она приходила туда вместе с внуком молиться. Не раз говорила об отце, обращаясь к Михаилу: «Голубчик, он же тебя убьёт!» – «Пусть убьёт. Я мучеником буду». Поставил Михаил в пещере крест, повесил лампаду, гроб сделал и решил в гробу спать. По примеру того, как матушка Зосимия в гробу спала. Две ночи лежал в гробу, молился, плакал, а на третью ночь покрыл гроб покрывалом и больше в него не ложился, понял, что рано так еще подвизаться. Пещера начиналась в сенцах дома и выходила в огород, где Томины сажали картошку. Долго он так подвизался, но однажды их корова – «ведерница», потершись о плетень, повалила его, зашла в огород и провалилась в пещеру, сломав себе четыре ноги. Миша в страхе убежал на выгон, спрятался в омет. Думал, отец

убьёт его, ведь фельдшер велел корову зарезать. А в семье было шестнадцать человек. Но бабушка не выдала и сказала: «Ну, вы знаете, это на верное в 1921 году под землей хлеб прятали от советской власти, яма так и осталась».

Не раз приезжали чекисты из Шарлыка, разбивали окна в келейке, которую выстраивал себе Михаил. Семь раз строил он себе келейку, и каждый раз ее отнимали, разбирали или увозили. «Комсомольцы придут, печку сломают, я зиму без печки живу, сплю в шубе, одна лампадка горит», – вспоминал о. Серафим.

Михаила забирали в райцентр, пытались запугать его. Но все равно отпускали, возраст был мал. А в 14 лет обложили, как взрослого, подоходным налогом. Но он не отступил. Отец был стахановцем, его из-за сына не приняли в партию. Много претерпел отец из-за Михаила. Однажды едва не утопился. На второй день Пасхи, 3 мая 1937 года, отец пришел домой поздно, после очередного собрания, где ему устроили разнос за сына. Михаил с бабушкой пели: «Христос воскрес!»». Он разделся, и ложась спать, сказал: «Ты долго будешь монашить?». Не сдержавшись, Михаил ответил: «Батяк! Здесь и вечно!». Отец вскочил, что есть силы пнул сына под ложечку, Михаил упал, почернел. В дом сбежались люди. А отец выскочил из дома и побежал к реке топиться. Он мчался к обрыву, где росла калина, чтобы ухнуть вниз. Но у самого берега он увидел

красивого старичка в белых одеждах и в лаптях (преподобного Серафима Саровского), идущего к нему по воде реки. «Константин, вернись. Опомнись!» – сказал ему святой. Отец вернулся домой, упал на койку. И с тех пор часто ругал, но никогда не бил сына. Рассказал отец об этом видении гораздо позже, когда уходил на фронт, в 1943 году, думал, что не вернется живым. Так, с 1938 года по 1941 год Михаил занимался в родном селе Бараково разными ремесленными работами и здесь прошел первую школу жизни.

Проучившись четыре класса в старой бараковской школе, до революции она была церковно-приходской, Михаил 5–7-й класс учился в Илькульгане. В 7-м классе он учился всего 42 дня из-за гонений. Пчёл он держал два улья, а третий не имел права, ибо жил единоличником, вне колхоза. Ульи стояли под окном келейки. Колхозники жалуются: «Твои пчелы летают по колхозным полям, убирай ульи». Он отвечает им: «Что же я им крылья связывать буду». Пчелы хорошие были, пять пудов меда давали, как ни у кого больше.

В 1937 году старую школу в Бараково разобрали, из домов раскулаченных построили новую школу. Привезли на лошадях жести из Оренбурга для крыши, а покрывать некому, мастеров не было. Михаилу было 14 лет, а уже работал с жестью, делал бесплатно для колхоза Ворошилова вёдра. Приходят к нему из школы, говорят: «Мишка, покрой нам школу, дадим тебе двух

помощников». Когда работа была сделана, из райцентра приехала комиссия и работу приняли на 100%. Заплатили большие по тем временам деньги. Недели через две после этого вызвали его в сельсовет, приехали трое начальников на машине. Говорят ему так ласково: «Мишка, какой у тебя талант, какой дар у тебя, представь, без образования ты такую школу покрыл. Брось молиться Богу. Мы тебя отправим в Москву. За казённый счет ты окончишь институт, будешь всемирно известным инженером». А Михаил смелый, ничего не боялся, ответил: «Если я брошу молиться, то буду такой же болван, как и вы!» Они с руганью выгнали его из сельсовета.

А потом приехали ночью, арестовали, увезли в Шарлык, в районную тюрьму, дали стакан воды и хлеба. Скомандовали: «Поставь печку, тогда отпустим». И так было много раз.

Михаил не боялся никого, боялся только Бога. Однажды в Шарлыке при очередном аресте положили перед ним на стол Библию и крест. Кричат ему: «Вот, Мишка! Крест и Евангелие, ты врать не можешь, скажи нам, Бог есть или нет?» А Михаил спросил их: «Скажите, гонения есть на Бога?» – «Есть, говорят, мы гоним его». – «Так, хорошо. Коль вы гоните, так что спрашиваете. Если бы Его не было, кого вы бы гнали? Кого нет – того нет, с тем не борются, не гонят». После этого его жестоко избили и выгнали.

Глава 2

Первый духовный отец Михаила старец Андрей Варламов

Один из ярких молитвенников за оренбургский край старец Андрей Егорович Варламов явился для Михаила Томина примером нравственного служения Богу и людям и их встреча была промыслительной. Господь привел к духовному подвижнику практически еще ребенка, чтобы он вырос в будущего афонского монаха.

Старец Андрей с послушницей Александрой.

Родился он в крестьянской семье у Георгия и Хионии в селе Илькульган Рождественской волости Шарлыкского района в 1870 году. У него были два брата (Захар и Георгий) и три сестры. С детства он проявил необыкновенную тягу к молитве. На усадьбе родительского дома он построил себе отдельную келью, часто предаваясь ночным молитвам. Духовным наставником его был священник села Илькульган отец Иоанн Образцов, который крестил и духовно воспитал старца Андрея. Андрей дал Богу обет безбрачия и никогда не женился, есть мнение некоторых чад старца о его тайном монашеском постриге, но эту тайну старец не открывал никому. Но все, кто его знал, поражались его высокому аскетическому подвигу, любви к молитве, он ежедневно вычитывал молитвы, каноны, данные ему по

благословению духовных отцов. По благословению своего духовного отца Иоанна Образцова он посещает святые места – Киев, Иерусалим, Афон. На Афоне он провел около полугода как послушник, но по благословению старцев был послан по сборам на пожертвования на родину в Оренбург, где было афонское подворье. Начавшаяся Первая мировая война и гражданская революция пресекают связи с Афоном и старец Андрей возвращается в родное село Илькульган. Духовный наставник отец Иоанн к этому времени уже скончался, он более полвека прослужил в Илькульганской церкви и захоронен за ее алтарём. Старец Андрей в это непростое время стал как бы душой илькульганского прихода, он пел, читал в храме, усиленно молился за сельчан, раздираемых гражданской войной. Подвижническая жизнь закалила дух старца, весь смысл его жизни был в служении Матери-Церкви. Вокруг старца Андрея возникает небольшая женская община, живущая молитвенно одним духом: Дарья, Вера, Анисия, Агафья, Александра, Матрёна и другие. Духовные чада старца вспоминают, какой чудный благодатный голос был у него, когда он пел в церкви. Но настало время испытаний, и в самом приходе, в церкви произошел обновленческий раскол. Старец Андрей тяжело переживал раскол, молился за патриарха Тихона, за расколотую паству Илькульгана. Когда в 1928 году 21 ноября на Введение Богоро-

дицы во храм в село Илькульган приехал обновленческий священник Иван Иванович Носков, старец Андрей с грустью предрёк: «Церковь наша сгорит!». До этого этот священник служил в селе Бараково 18 лет, перешел в обновленчество и был вынужден уехать из села Бараково, которое оставалось верным патриарху Тихону. Он устроил в алтаре храма «буржуйку», трубу вывели в окно. И вот во время обновленческой службы искры поднялись к куполу, пламя охватило сначала купол храма, и практически мгновенно деревянная церковь сгорела как свечка, ничего вынести не смогли. Так Господь не попустил осквернения храма обновленцами.

Часовня в селе Илькульган построена на месте старой сгоревшей церкви. За алтарем часовни находится восстановленная могила отца Иоанна Образцова с надгробной плитой, которая в советское время служила ступенькой в местный магазин.

Горько было остаться без храмовых богослужений для приходской общины. Но молитвы только усилились в келье старца Андрея. Особенно любимым акафистом старца был акафист Иверской иконе, который ежедневно читался перед иконой Иверской Божией Матери. Этой иконой старца благословил на Афоне его духовник игумен Иоасаф. Эта икона писалась на Афоне, была двухпудовая, сейчас хранится у духовных чад старца в г. Оренбурге. Также с

Афона старец Андрей привез иконы «Достоинство» и «Скоропослушницу».

Отец Серафим вспоминает это нелегкое время: «Первый раз меня к старцу Андрею привела мать Дарья, жившая в общине старца. Она ходила по окрестным селам с тележкой и собирала милостыню. Я уже жил в это время отдельно от родителей в келейке и перешел в 1935 году в пятый класс. И вот ко мне с тележкой приходит мать Дарья. Стучит и заходит такая старушка горбатая, с палочкой. Была она старая дева, никогда замужем не была. Говорит: «Мишунька! Я с Илькульгана, ты пойдешь со мной к старцу нашему Андрею». Я о нем только слышал, но никогда не видел. Я с радостью говорю: «Пойду!». Собрался я быстро, было уже темно, поздний вечер, и пошли семь километров до Илькульгана. Я вёз тележку, перешли мостик через реку Неть и заходим во второй домик от речки. Дом покрыт соломенной крышей, ни ворот, ни калитки, всего в одну комнату. Открыл нам дверь старец Андрей, борода седая, волосы полукругом, глаза живые, улыбка добрая. Обнял он меня, расцеловал как родного. В доме пусто, только столик и шкаф, а под ним тайный лаз в подпол, в келью старца, в которой он провел около 28 лет. Из-за постоянного пребывания в темноте старец ослеп. В подполе у него была "маленькая церковь". В центре три иконы, привезенные с Афона. Спустились мы в келью к старцу и стали читать ака-

фист Иверской иконе Божьей Матери. Огромная Иверская икона стояла как живая и казалось занимала всю келью. От взгляда этой иконы я не мог оторваться. А как мать Вера и Анисья запели альтом и дисконтом, а старец Андрей басом, от этого триольного пения у меня казалось дыхание остановилось. Я думал, на небо улечу. Так я стал ходить практически еженедельно к старцу Андрею. Началась моя учеба в Илькульгане, в школе. Но главной моей школой стала молитвенная школа старца Андрея.

Я к старцу по ночам бегал, днем было небезопасно, могли проследить. Но Господь хранил старца. Бывало, окружают милиционеры дом, где он в подполье скрывался, я со страху чуть не плачу, а старец спокойно мне говорил: "Не бойся, Мишунька, они меня не найдут, а тебя увезут, так ты им печку сложи, они и отпустят". Так все и выходило. От старца их Господь отведет, а меня арестуют. В тюрьме я им печку сложу, и они меня отпускают».

Как ни старался старец Андрей укрыться от властей и от людей, но все равно тайно со окрестных сёл шли к нему люди за духовной помощью. Так, однажды из мордовского села Юртаево привезли к старцу бесноватую женщину. Ехали ночью, так как старец скрывался. Несчастливая лежала в телеге, связанная верёвками. Но как только въехали в село Илькульган, женщина стала кричать нечеловеческим голосом и

рвать на себе одежду. А до дома, где в подполье жил старец Андрей, надо было ехать через все село, это около километра. Старец жил от моста реки Нети во втором доме от берега. И весь этот путь женщина беспрерывно кричала, пугая спящих сельчан. Старец встретил их у моста. У него для ходьбы была палка, он стал ею бить по спине бесноватую, властно выкрикивая: "Изыде, сатана, изыде...". После трех ударов женщина обмякла и успокоилась. Старец Андрей велел снять с неё верёвки, вести в келию и поить чаем. Двое мужчин, которые везли бесноватую, завели её в дом, там матушки накормили болящую».

Старец Андрей был прекрасным пчеловодом, и Михаил познал первые азы искусства ведения пчёл именно от него, в дальнейшем, а он занимался пчеловодством до 1943 года постоянно, ему это очень помогло.

Отец Серафим вспоминает ещё об одном случае исцеления старцем: «Также старец на моих глазах исцелил мою двоюродную бабушку – Евдокию Ефремовну Чистунову. Она была очень богобоязненна, с крестным знамением и с постели вставала, и дверь открывала, и вообще за всякое новое дело бралась. Снится ей как-то сон, что выгоняют уже коров и она не успевает подоить свою корову. Выскочила она во двор, забыв в спешке перекреститься, и в это мгновение словно жук пролетел у нее возле уха. После этого шея немного опухла, но бабушка не придавала это-

му никакого значения. Подоила корову, выгна-
ла ее и вернулась домой. А потом вдруг слышит
она – мычит за окном корова. Она проснулась
и поняла, что корову она доила то ли во сне, то
ли в мечтании. Испугалась, хотела выкрикнуть
что-то, а дыхание сперло. Шея так сильно опух-
ла, что даже слово сказать было больно. Повезли
ее к фельдшеру Осипу Гавриловичу Баловне-
ву, жившему в соседнем селе Рождественке. Это
был всем лекарям лекарь, участник германской
войны. Двадцать пять деревень в округе под его
опекой состояли. Все очень ему доверяли и не
напрасно. Скажет: "К Николину дню гроб го-
товьте", значит так тому и быть, никто и не спо-
рил. Плакали, но не роптали, а готовили гроб. А
бывало, что и безнадежных на ноги ставил. Мо-
литвенник был. Моей бабушке он сказал прямо:
"Евдокия Ефремовна, дело плохо, это тебе «кила»
(порча) по воздуху пущена. Медицина тут не
поможет". Привезли бабушку обратно домой,
а она уже задыхается. Я бегом к отцу Андрею в
село Илькульган, а это 7 км. Выслушал меня ста-
рец, потом поставил под Иверскую икону Пре-
святой Богородицы пустую тарелку, зачерпнул
в кружку воды и плеснул на икону. Стекшую с
образа воду он перелил в бутылку и, вручив мне,
сказал: «Беги, Мишунька, спасай бабушку. Дай-
те ей кружку воды. Пусть Евдокия Ефремовна
этой водой больное место помажет и попьёт её
малость». Когда я с бутылкой чудотворной воды

влетел в бабушкин дом, больная уже посинела, и вместо дыхания слышался хрип. Исполнив все наставления старца, уже к вечеру бабушка была совершенно здорова».

Многое Господь открывал старцу Андрею. Так, например, в 1938 году, стоя перед той же иконой Иверской Божией Матери, старец Андрей вдруг сильно расплакался. «Скоро, скоро, Мишунька, будет война, – говорил он, неотрывно смотря на икону. – Немцы опять нападут на Россию... Но Россия теперь победит». «Отец Андрей, сколько же крови христианской еще прольется?», – спросил я его. «Мишунька ты мой дорогой, настолько земля русская прегрешила, что вопиет она об очищении. А очищается она только кровью людской... И тебя на войну возьмут, воевать не будешь, а глаз потеряешь...». Так и случилось, в 1941 году началась война, меня призвали в армию, отправив в августе 1941 года в строительный батальон на станцию Колтубановка на заготовку леса. Там я потерял один глаз, и меня комиссовали. Так сбылось пророчество старца и про войну, и про глаз мой потерянный. Часто во время войны он, ни с того ни с сего, вставал среди ночи и начинал молиться за упокой души кого-нибудь из сельчан. И лишь через несколько дней, а порою и месяцев, присылали на того человека похоронку. Никто не уходил от старца неутешенным».

Дегтярёва Мария Ефимовна, уроженка с. Илькульган вспоминает о прозорливости старца: «По-

сле смерти моего отца Ефима Федосеева в 1955 году моя сестра Вера с дочкой лет пяти посетила старца Андрея. Благословляя дочку, старец погладил ее по голове со словами: "Вот видишь, какая ты шустрая. Вот матушка твоя умрёт, останешься сиротой". Сестра Вера хотела возразить, но призадумалась и ничего не сказала. По возвращении домой рассказала Марии слова старца, добавив с неудовольствием: "наш старец стал какой-то нескладный". Через четыре месяца, работая комбайнером, перетрудившись на жатве, она попросила штурвального пройти круг. Сама легла под копной, отдохнуть. Вернувшись, пройдя ряд, штурвальный увидел, что она уже была мертвой. Так сбылись слова старца. Другой случай прозорливости старца Андрея, когда я хотела поступить в оренбургский пединститут в 1953 году. Старец Андрей сказал: «Ну что, Мария, за четыре года и половина помереть может». Лишь через два года в 1955 году стали понятны слова старца, в моей семье в течение четырех месяцев умирает родная сестра Вера и отец Ефим. Половина семьи. У отца моего был прекрасный голос, один раз он поет, а старец Андрей громко несколько раз запрещающе грозно сказал "Перестань, перестань!". Когда отец после молитвы попросил у старца прощение, он примиряюще сказал: "Я не тебя, а беса выгонял!"

В 1944 году к старцу Андрею пришла послушница Александра, которая вместе с ним и была похоронена по предсказанию старца.

Старец жил около года в селе Холмы, поскольку председатель Илькульгана хотел его убить. В 1947 году новый председатель сельсовета Илькульган лично приехал к старцу со словами: «Андрей Егорович, хватит тебе прятаться, возвращайся в Илькульган, живи открыто». С тех пор старец уже не таился, а вернулся и жил в Илькульгане открыто. Старая его келейка была сожжена властью, и он купил дом у Ласыгиных. Больше всех со старцем (около 30 лет) прожила монахиня из Эннатского монастыря Вера, портниха, она передвигалась только последнее время на костылях, всего она прожила 99 лет. Другая монахиня из монастыря Анисья прожила 97 лет, монахиня Маргарита прожила 112 лет, Дарья (106 лет) и Агафья были просто послушницы. Агафья умерла в 1954 году. Прасковья и Матрёна ухаживали за матушками Анисьей, Верой и старцем Андреем. Все они похоронены рядом со старцем на кладбище в селе Илькульган. Жила еще в Илькульгане старая дева, послушница из Эннатского монастыря Хиония, отец Андрей ей носил воду из речки много лет. Когда он ушел в затвор около 1928 года, то не мог ей помогать, и говорит ей, по воспоминаниям отца Серафима: «Больше воду не носи, дощечку вырежь, там родник в подполе, кружкой бери воду и пей!» Так всё и случилось. Еще одним примером прозорливости старца стала его неуловимость, почти двадцать лет власти пытались арестовать

старца Андрея. Много раз приезжали из Шарлыка, но всякий раз за несколько часов до ареста старец Андрей уходил. То среди деревьев спрячется, то в овраге, то в пещерке на холме рядом с Илькульганом, и никогда собаки не могли взять след старца. Так Господь хранил своего праведника, ибо сказано в Писании: «Не стоит село без праведника, а город без святого».

Отец Серафим вспоминает о том, как старец за восемь лет предсказал свою кончину в 1948 году: «Вот вы мои духовные чада, – сказал он как-то за обедом, – а хоронить меня никто из вас не будет. Мы с Александрушкой в одну могилку ляжем».

Вскоре я вынужден был уехать, и отец Андрей напутствовал меня следующими словами: «Мисаил (это мое монашеское имя), помни: в 1956 году в день Алексия, человека Божьего, меня не станет». В 1956 году, в день Алексия, человека Божьего, 17 марта, я совершал проскомидию в г. Джелалабад и хотел помянуть духовного моего отца старца Андрея за здравие, как всегда это делал, а сам, не желая того, помянул его за упокой, и копие из рук моих выпало на жертвенник. Через два дня вижу я сон. Я снам никогда не верил, а тут вижу во сне старца Андрея, который говорит мне: "Я умер, но ты меня заочно не отпевай. Хоть два, хоть три года пройдет, а отпоешь меня на могилке моей". Так и случилось. Ровно через два года, в 1958 году, попал я в село Илькульган и

при большом стечении народа, сошедшегося со всех окрестных сёл, отпел старца Андрея прямо на его могиле. Похоронили его на горе. Рассказывали, что когда-то на этом месте копали колодец для пожарной команды, но сколько ни мучились, воды так и не обнаружили. А когда здесь же выкопали могилку для старца Андрея, к всеобщему удивлению она тут же заполнилась водой. Гроб так и опустили в воду. На третий день могилу вновь раскопали, чтобы положить рядом со старцем матушку Александру (как батюшка и предсказывал, она скончалась сразу же после его смерти). Гроб отца Андрея так и оставался затоплен водой. Я, неразумный, сильно скорбел по этому поводу. И лишь на Афоне старцы успокоили мое сердце: «Чему же ты удивляешься? – говорили они. – Разве не знаешь, что мощи преподобного Сергия Радонежского восемнадцать лет пролежали в воде. А потом он явился преподобному Никону и велел вскрыть могилу свою для свидетельства славы Господней. Да будет, Господи, воля Твоя!».

Дегтярева Мария вспоминает о последних днях старца так: «Месяцев за шесть до смерти старец заболел, начал болеть большой палец на ноге. Племянник старца Андрея, зубной врач Петр Яковлевич Хвалев, предложил старцу удалить его. На что старец категорически отказался. За неделю под пальцем появилась чернота, скорее всего это была гангрена. Племянница

старца Нина пришла к нему, а по дороге шла и думала с осуждением: "Вот дожился, намолился, на белом свете стали черви есть". Придя к старцу, поздоровавшись, она неожиданно услышала: "Спасибо, что меня пришла проведать, а то вот дожился, на белом свете стали черви есть". Так с любовью вразумлял свою непослушную племянницу прозорливый старец.

За двое-трое суток до смерти старца мы не ложились спать, молились, понимая, что он уходит от нас. Старец всех утешил и произнёс: вы не увидите, как я умру. Около 12 часов ночи с 17 на 18 апреля 1956 года, войдя в комнату, после того как закончили молиться по чёткам, мы увидели как старец отошёл ко Господу, сложив крестообразно руки на груди. Старца Андрея хоронили в день, который запомнился тем, что был самый снежный за всю зиму. Снег сравнился с крышами домов. Чтобы вынести старца, делали пять приступок от двери до уровня снежного наста. После смерти старца начали читать канон о упокоении, псалтырь. От старца совершенно не распространялся запах мертвого тела. В душе была какая-то особая благодать, радость. На третий день его похоронили на местном кладбище, на похоронах были самые близкие старцу чада, человек тридцать, многие из соседних деревень Титовки, Бараково, Холмы, Новоспасское, Ратчино, Алексеевка. Из Шарлыка приехать не смогли по причине непогоды. Но все молились

о любимом старце. Пели "Святой Боже...", "со святыми упокой...". С молитвой "Достоинство есть..." гроб опустили в яму. Странным показалась всем, что глинистый холм, на котором было кладбище, всегда сухой, на этот раз, где была яма, был весь в воде. На третий день раба Божья Александра умерла, как и предсказал старец, ее похоронили вместе с ним в одной могиле. Люди возмутились, когда увидели, что низ ямы заполнился водой, пробивающейся из-под гроба, где были ноги старца. Многие брали воду, веря что она принесет исцеление. В частности, Нина Хвалева, племянница старца, исцелилась этой водой впоследствии».

В 1958 году после панихиды по старцу Андрею схииархимандрит Серафим сказал: «У вас в Илькульгане двое святых протоиерей Иоанн Образцов и старец Андрей Варламов. Приходите к ним на могилку, берите землю и исцелее-те. И будете здоровы». Многие духовные чада с благодарностью отзываются о благодатной помощи старца. От земельки с могилки старца исцелилась Дегтярева Мария, Нина Хвалева, Александр Сомов и многие другие. Дегтярева Мария в 2005 году вспоминала: «Заболела сильно нога, не могла ходить, положила землю батюшки на больное место, намочив ее святой водой, и через короткое время от болезни ничего не осталось». Исповедник старец Андрей и после своей кончины помогает, духовно утешает своих духов-

ных чад. Так Дегтярева Мария после одной скорби видит сон в 1959 году: «Иду я по прекрасной долине, вокруг кусты и цветы в виде крестиков неземной красоты. Вижу, сидят вдвоем, о чем-то говорят старец Андрей и отец Карп, священник, расстрелянный с Кармалки. Перепрыгиваю ручей, пытаюсь подойти к ним, иду со страхом Божьим в груди. Вдруг вижу Анисью, келейницу старца Андрея. Поделилась с ней радостью и проснулась. Долго было ощущение необычайной душевной радости от встречи с батюшкой». Верится, что все, кто прибегает с молитвой к старцу Андрею, получают благодатное утешение.

Глава 3

Под духовным руководством схиепископа Петра. Монашеское призвание

Отец Серафим о своем духовном наставнике, схиепископе Петре (Ладыгине, 01.12.1866–19.02.1957):

«Моя первая встреча со схиепископом Петром произошла, когда мне было еще 14 лет. Осенью 1937 года к нам в дом пришла незнакомая женщина. Она назвалась монахиней Дарьей и сказала, что меня приглашает к себе схиепископ Петр из Уфы. Я не мог отказаться. До Уфы мы дошли пешком. Рядом с рекой Белой в районе под названием Нижегородка мы вошли в дом, где в подполье скрывался Владыка. Я обомлел, когда предо мною предстал огромного роста старец в облачении схимника. Погруженный в его отеческие объятия, я плакал и слышал, как он говорил: "Монахом будешь, Мишунька, монахом будешь...". Так впервые увидел я схиепископа Петра (Ладыгина), который стал моим духовным наставником на протяжении последующих 14 лет».

О жизни схиепископа Петра повествует отец Серафим так: «Тридцать шесть лет провел на Афоне Патапий. Здесь был пострижен в иноки с именем Пигасий, в монашество – с именем Пити-

рим, достиг сана архимандрита. Сам Вселенский Патриарх Иоаким III снял с себя митру и надел на голову архимандрита Питирима. Второй такой митры нет – камни все натуральные на серебряных винтиках, золотое шитье, роспись. Эта митра сейчас у меня хранится. В годы гонений ее в землю закапывали, чтобы сохранить.

В 1910 году архимандрит Питирим был назначен настоятелем подворья афонского Андреевского скита в городе Одессе. Через несколько лет он стал известен всему городу как суровый, но мудрый пастырь. Его духовным сыном стал врач Владимир Петрович Филатов. Именно благодаря духовному руководству и конкретной помощи отца Питирима будущий академик открыл в Одессе свою первую клинику, заложив тем самым основу будущего всемирно известного института.

В 1919 году по Одессе прокатилась волна арестов священнослужителей и монахов. За решеткой оказался и архимандрит Питирим. Через три месяца его отпустили. Потом потребовали срочно освободить здание подворья, но имущество не конфисковали. Все иконы, церковную утварь и книги отец Питирим загрузил в железнодорожный вагон и отправил в Уфу, где жили близкие ему люди.

В это время Патриарх Тихон несколько раз настойчиво предлагал архимандриту Питириму стать архиереем. Отец Питирим неизменно

отказывался. Потом под Уфой в лесу рядом с хутором Троицким он срубил себе келию и какое-то время жил там тихим молитвенником. Лишь в 1925 году архиепископ Андрей, князь Ухтомский, находящийся в ссылке в г. Теджен, убедил архимандрита Питирима в необходимости принять на себя крест архиерейства. Через несколько месяцев после хиротонии во епископа Нижегородского, викария Уфимской епархии, он был арестован. Принял схиму с именем Петр. И лишь через 12 лет, в 1937 году, схиепископ Петр был амнистирован по старости. Из тюрьмы его выпустили в возрасте 82 лет.

Приехав в Уфу, он решил не вставать на учет в НКВД, так как знал, что в то время всех выпущенных из тюрьмы священнослужителей тут же вновь арестовывали. И он скрылся.

В это время я и увидел впервые владыку Петра, когда по его указанию привели меня в маленький дом в районе Нижегородка.

Скрывался схиепископ Петр в разных селах и городах целых шесть лет. И шлейфом тянулись за ним сотни его духовных детей. В России, лишённой храмов и монастырей, в то время было несколько подпольных старцев наставников. У них окормлялись верные христиане. Таким пастырем был и владыка Петр. Все эти годы я был рядом с ним и видел, сколько отчаявшихся душ вывел он на путь истины. Тайные агенты НКВД рыскали по всем домам, допрашивали соседей,

устраивали засады, но все было напрасно. А верующий народ без адресов и провожатых находил схиепископа Петра в самых глухих, потаённых местах.

Сколько раз будил он меня среди ночи и говорил: "Мишунька, вставай, скоро приедет такой-то священник, надо бы встретить". Ни письма, ни телеграммы, откуда мог знать?! А через какое-то время, действительно, приезжает тот самый священник.

А однажды толкает он меня посреди ночи: "Мишунька, Мишунька, мантию давай скорее, епитрахиль, поручи... Владыка Иов сейчас скончался в Армавире. Будем отпевать владыку". Лишь через несколько месяцев от приезжих монахинь я достоверно узнал, что действительно в это самое время скончался скрывавшийся в Армавире владыка Иов».

Про военное время о. Серафим вспоминает: «Уже в августе 1941 года меня вызвали в Шарлыкский военкомат. Являюсь я, как положено рясофорному послушнику – в рясе, в лаптях и в скуфеечке. В сумке были богослужебные книги. А во всей Оренбургской области ни одной действующей церкви к тому времени уже не осталось. Около комиссариата толпились сотни людей: и стар, и млад – всех забирали на фронт. Меня сразу же посадили в камеру. На другой день пытались снять рясу, скуфейку, но я твердо сказал, что только в рясе пойду на фронт. Во-

лосы у меня в то время были ниже пояса, борода еще не росла, а усы только пробивались.

- Ты откуда такой явился? - выругавшись, сказал военком, зло взглянул на меня и настрочил какое-то письмо, запечатал в пакет и велел мне нести его в Оренбург в центральный военкомат.

Пешком шел я 150 километров, распевая псалмы и молитвы. В Оренбурге вручил комиссару пакет, он тоже удивился, увидев меня в рясе, прочитал письмо и на меня как-то странно посмотрел. А потом говорит:

- Кто это писал?

- Комиссар Зайцев.

- Он что, сумасшедший? Он написал про тебя: "Поставьте к стенке и расстреляйте!" Какая причина? У нас военный кодекс: если священник или монах не носит форму, остается в рясе, с бородой, мы можем отправить его на линию фронта в качестве сапёра, санитаря, повара. Ведь вы столяр?

- Столяр.

- Плотник?

- Да.

- Портной?

- Портной.

- Печник?

- Да.

- Мы отправим вас в Бузулук, в Колтубановку, в строительную часть.

Так я был призван в ряды Красной армии и отправлен в строительный батальон на станцию Колтубановка Чкаловской области. Там мне и довелось пережить первую лютую военную зиму. В строительной части были одни старики и несовершеннолетние. Я, как наиболее способный, был назначен прорабом. Жили в выстроенных своими силами землянках. Морозы доходили до 40 градусов, а я ходил в летней скуфейке. От ветров правый глаз покраснел. Местный фельдшер помазал глаз какой-то жидкостью, и глаз окончательно перестал видеть. 23 декабря 1942 меня отправили в эвакогоспиталь № 359 в Оренбург, где я находился на излечении до 9 марта 1943 года. Там врачи решили, что глаз не спасти, прооперировали, и я остался с одним глазом. Меня признали негодным к службе в РККА с исключением с учёта. После той операции мне дали вторую группу инвалидности и комиссовали. Так для меня закончилась война.

Так и сбылось пророчество старца и про войну, и про глаз мой потерянный. Дивны дела Твои, Господи!».

Во время войны схиепископ Петр (Ладыгин), скрываясь от гонителей, продолжал окормлять своих духовных чад. В Оренбурге (тогда Чкалове) его духовных чад было человек пятнадцать, да еще в Стерлитамаке, Уфе, Ишимбае около десяти человек. Решили они

вместе с Владыкой податься в Среднюю Азию. Владыку Петра нарядили «узбеком», чалму для него сделали и сели в поезд «Максим Горький», следовавший до Ташкента.

Вот как вспоминает об этой поездке отец Серафим:

«Семь дней мы ехали до Ташкента. В Ташкенте прописку не давали. Не прописывали и в Коканде, Андижане, Джалал-Абаде. Тогда решили уйти в горы. В то время в городе Джалал-Абаде Киргизской ССР жил оренбуржец Иван Ермолаевич Ерёменко, духовный сын матушки Зосимии Эннатской. Он был участником Поместного Собора 1917–1918 годов от Оренбургской епархии, представителем от мирян, а позднее едва избежал расстрела, в одних кальсонах убежал от чекистов. Благочестивый, искренний, неsgiбаемой воли был раб Божий. Он долгое время противился коллективизации, не подчинился советской власти. В начале 30-х годов был арестован, приговорен к расстрелу. Бежал в Среднюю Азию в г. Джалал-Абад, где в те времена можно было жить без паспорта. Там завел большую пасеку, построил кирпичный дом. Узбеки очень любили его за честность, за трудолюбие; звали Иванборода.

Там, в г. Джалал-Абаде, я постриг его в монахи с именем Иоасаф. Через несколько дней после пострига он рассказывал мне: "Какой я сон видел. Будто бы десятки ножей из меня торчат. Кровь свищет, а мне нисколько не больно".

Помню, я поругал его за то, что он обращает внимание на сновидения, мог ли я знать тогда... В 1962 году в кавказской пустыни Псха, где стояла его келья, Иван Ермолаевич был зверски замучен безбожниками. Молодые комсомольцы, "цваны", требовали от него отречения от Христа. Долго издевались над ним, били, хотели распять на кресте, но не нашли в его келии гвоздей. В конце концов, они изрезали его на куски и бросили в реку.

Но вернемся назад. Итак, в 1943 году в джалалабадском доме Ивана Ермолаевича Ерёмченко собралась целая группа духовных детей Владыки Петра. Среди них был схимонах Арсений, который в свое время блестяще закончил духовную академию, но сан отказывался принимать по смирению. Вообще на Афоне к сану отношение особое. Сан – это крест непосильный для большинства. На тысячи афонских монахов иеромонахов – считанные единицы.

Всего же, вместе с Владыкой, нас собралось 22 человека. Мы готовились уходить в Тянь-Шанские горы. Три месяца ушло на сборы. Стали сушить сухари, закупать семена, собирали иконы и богослужебные книги. Купили 26 ишаков, самые необходимые вещи и минимум продовольствия и ночью выехали по направлению к китайской границе. Ночью из города нас вывел Иван Ермолаевич. Восемь дней пробирались по безлюдной местности. Бывало, прорубали

путь топорами. Схиепископ Петр ехал на ишаке, творил молитву и плакал в пожелтевшую от старости бороду. Сначала нам иногда еще попадались овечьи стада с полудикими киргизами-пастухами. Потом на протяжении нескольких дней мы шли, не встретив ни единого человека. Места были совершенно дикие.

Остановились же мы в живописной долине рядом с горной рекой. Вдали величественно вздымались пики Ленина и Сталина. Выбрав удобное место, разбили лагерь. По благословению владыки Петра сразу же принялись за постройку двенадцати келий и церкви во имя великомученика Пантелеймона. Строили исключительно из липы, так как другие произрастающие там диковинной породы деревья топор просто не брал. Гвоздей у нас не было, их заменяли деревянные шипы. Вместо стекол в окна вставляли тонкие досочки, которые днем можно было выдвинуть. Крыши складывали из тесаных бревен, укладывая их одно к одному. Тут проявилась необычайная мудрость владыки Петра. Еще в Джалал-Абаде он велел купить много веревки из верблюжьей шерсти. Все удивлялись, зачем понадобилось так много веревки? Но оказалось, что, обложив лагерь веревками, люди пребывают в безопасности: змеи не могут подобраться к ним.

Первый год было голодно. Вообще, Тянь-Шанские горы, по сравнению с Кавказскими

или Саянскими, считаются не самыми голодными. Вокруг места были богатейшими, здесь росли дикие яблони, дикий виноград, грецкие орехи. Питались мы дикими яблоками, разными ягодами, земляными орехами. Но этого не хватало, и поэтому чувство голода не оставляло нас ни на миг. Желудки огнём горели от бесконечных орехов и желудей. Река просто кишела рыбой, но вытащишь рыбу на берег, а она от давления (*ред.:* в высокогорье – пониженное давление атмосферы) тут же темнеет, и в пищу уже не пригодна. От высокогорного давления сильно страдала вся братия, у многих было учащенное сердцебиение, случались обмороки.

Семь лет жила община в этой благословенной пустыне. Это было трудное, но райское время! В первый год едва не умерли с голоду. Разрабатывать горную почву под огороды было очень трудно. Но зато через год, когда мы получили первый урожай картофеля, жить стало несравненно легче. Из диких зверей самыми злыми и опасными были горные кабаны. Их в той местности было очень много. Но Господь берег нас от этих животных. Медведи никогда нас не трогали и, кажется, не боялись. Много вреда приносили горные козы. После их посещения весь огород был словно скошенный.

Жили и молились мы по строжайшему Афонскому уставу. Духовником нашей общины был владыка Петр. Поучал он всегда очень

просто и сдержанно: "Читай, ничего не выдумывай, ум в сердце не своди. В свое время само все придет. Упаси, Господи, от дьявольского поспешения".

Был строг, никогда никого не хвалил. Иной раз подойдет во время молитвы, чётками по лицу ударит и уйдёт. Иногда во время богослужения читают кафизму, а я думаю: "О. Германа пошлю за водой, о. Гавриила пошлю за дровами", – тут выйдет старец из алтаря, подойдет ко мне и чётками ударит сверху по голове. После этого идёт в алтарь. После службы он – гигантского роста, но весь иссохший от поста и бдений, – благословит меня своими длинными пальцами и скажет: «Эх, Мисаил, Мисаил! Что ж ты, пустынный пустой! Тебе не стыдно? Читаешь псалмы Давида, кои Ангелов призывают и бесов отгоняют, а в уме разнарядку ведёшь, словно колхозный бригадир. Уподобляешься ему. Стоишь на службе рассеянный», – и слезы сверкнули на глазах старца.

Вся братия были как Ангелы. Скажи им: «Иди в огонь!» – пойдут в огонь. Скажи им: «Иди в воду!» – пойдут в воду. Один я был грешным. Бывало, читаю кафизму быстро, спешу, а старец выйдет из алтаря и скажет:

– Избави, Господи, от дьявольского поспешения!

Глубоко вздохнет и спросит:

– Скажи мне, Мисаил, что такое подвижник?

– Святой.

- Но почему подвижник, а не святой?

- Не знаю, владыка.

- Он, подвижник, потихоньку двигается в Царство Небесное, а не спешит.

Один молодой монах, Гавриил, без благословения владыки Петра взял на себя неразумный подвиг – класть каждую ночь по три тысячи земных поклонов. Узнал про это Владыка, вызвал того монаха и говорит: "Гаврилушка, теперь будешь класть по три поклона, не больше". Опечалился молодой подвижник: "Владыка, что ж вы меня без молитв оставляете?". Но послушаться он не мог и в первую ночь положил, как и велено, три поклона. На следующую ночь после второго поклона он не выдержал и уснул. А на третью ночь и вовсе не встал на молитву, проспал. "Подвизайся теперь по уставу, и будет твоя молитва Богу угодна", – сказал Владыка молодому монаху после его покаяния.

Вся наша тянь-шанская братия даже спать ложилась в подрясниках. Снимешь подрясник на ночь, вставай и клади сто поклонов (такова была епитимия). Без пояса ходишь – сто поклонов, без скуфейки – сто поклонов.

Однажды владыка Петр сказал мне: "Время страшное грядет. И ты, Мисаил, доживешь, когда архиереи по два раза в год будут Пасху и Рождество встречать".

А ведь время это настало. Сейчас в некоторых местах сначала по новому стилю Пасхаль-

ную службу отслужат, а затем еще и по старому. По два раза Пасху встречают, по два раза разговляются». Рассказ про 70 и 33 года. Про Россию монархию.

В этих Тянь-Шанских горах Михаил был пострижен в рясофор 11 июня 1944 года с именем Михаил, потом 17 декабря 1946 года пострижен в мантию с именем Мисаил, и в тот же день рукоположен во иеродиакона, а позже, 5 ноября 1947 года по старому стилю, во иеромонахи.

Продолжение рассказа отца Серафима:

«Все монахи были рабы Божии. Я оказался среди них самым старшим и потому отвечал за хозяйство. Утром все по одному подходили к старцу и говорили о своих сонных видениях. Вечером открывали ему дневные помыслы. Бывало, еще не успеет кто-либо и рта раскрыть, а он уже называет тот помысел, который мучит.

За семь лет ни один человек не нарушил наше монастырское уединение в Тянь-Шанских горах. И за все это время мы ни разу не встретили ни единого человека. Но я всё равно предлагал Владыке уйти дальше в горы. Владыка отвечал: «Нет. Надо мне окончить жизнь, а вам нужно пройти школу на костях». Монахи каждый день готовились к тому, что их арестуют. И вот однажды, в день празднования в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница», была отслужена литургия, все причастились и увидели

в небе «кукурузник». Нас выследили с самолета. Стал этот «кукурузник» вывозить братию по два человека в Джалал-Абад, в тюрьму, и никто, ожидая своей очереди, не сбежал и не спрятался. По всей стране в газетах писали, что далеко в горах нашли целую банду монахов. Старца увезли первым, и его я больше не видел. Впоследствии стало известно, что владыку Петра посадили под домашний арест в г. Глазове Кировской области. Остальных, арестовав, обвинили в том, что они убежали от Советской власти и убедили молодежь не служить в армии. Было это в 1951 году».

Глава 4

Время гонений. Келейник митрополита Нестора (Анисимова)

Вывезенных с гор Тянь-Шаня монахов отправили в г. Бийск. Здесь неподалёку от города была разрушенная деревенька с сохранившейся церковью. Они построили себе землянки и стали служить в церкви по монастырскому уставу. На всю епархию оставались только три церкви. На праздник Троицы со всей округи приехал народ на подводах, так что немаленькая церковь не вмещала всех молящихся. После окончания вечерней службы внимание всех привлекла подвода с привязанной к ней бесноватшейся. Люди, приехавшие на этой подводе, рассказали, что бес вселился в неё с трех лет, когда она повторила вслед за отцом матерное слово о Боге. С тех пор 35 лет беснуется, не признаёт одежды и с нечеловеческой силой разрывает на себе оковы. При них было письмо архиерея с просьбой отчитать бесноватую. Ее привели в церковь; бес, сидящий внутри несчастной, кричал: «Косоглазый поп, не подходи ко мне. Всех вас заберут, арестуют. А церковь спалю, сгорит как свечка!».

О. Мисаил прочел молитвы, она утихла и упала без сознания. Её унесли, переодели, утром на литургию она пришла сама, причастилась, глаза её просветлели. После службы церковь

была окружена, всех арестовали, никто из братьев не смог взять ничего, кто в чём был, так и увезли. У отца Серафима осталась только икона, подаренная архиереем, которого вскоре сняли с регистрации за то, что он позволил принародно отчитать больную. Исцелённую тоже арестовали, и она умерла в больнице.

Вскоре была амнистия. Братья многим достались паспорта, о. Мисаилу достался «волчий билет», разрешавший жить в каком-либо населённом пункте не более трех недель. Стал он переезжать из города в город по всей Средней Азии. Вскоре, устав от бесконечных переездов, он ушел в бега. Был объявлен во всесоюзный розыск. О. Мисаил узнал об этом позже, иначе бы не отправился тайно в родной Оренбург.

В Оренбурге, в церкви, ему очень обрадовались. На следующий день полгорода знало уже о приезде о. Мисаила. Он по-прежнему не подозревал, что находится в розыске, но вскоре стал замечать, что за ним неотступно следуют несколько странных человек в полушубках. Находясь на квартире у сестры, о. Мисаил обнаружил, что дом оцеплен. Едва сумел скрыться, выйдя из дома, надев поверх рясы женское пальто, а на голову накинув платок. Скрывался у дяди. Ночью поднялся буран, а ему надо было срочно уходить из города. Надев предложенный брезентовый плащ, о. Мисаил задворками и оврагами пошел за реку Сакмару.

По дорогам идти было нельзя, шёл по бездорожью. Решил идти в сторону второй немецкой колонии, надеясь, что там искать не будут. По дороге услышал шум приближающейся машины. Это ищут его, мелькнула мысль у о. Мисаила. Из подъехавшей к нему машины выглянул веселый энкаведешник и, мельком глянув в замерзшее лицо о. Мисаила, полуприкрытое заиндеветой брезентовой накидкой, сказал: «Поехали! Это не он, не похож».

О том, что с ним было дальше, вспоминает отец Серафим:

«Шел буран. Дороги не видно. Ночь. Сильный мороз. А сил идти почти нет. Мысли о том, что, наверное, сейчас замёрзну. Вдруг скрип саней. Меня, обмёрзшего, окликают с саней малец: "Иди к нам, моя мама всех странников пускает!". Сажусь в сани, едем. Приезжаем в незнакомое село, подъезжаем к дому. В доме голодные дети, холодно, по углам дома иней свисает. Но меня встречают приветливо. Я вынул узелок с едой, дети жадно набросились на пищу. Сам есть ничего не стал, а лёг на лавку, благодаря Бога за посланных добрых людей. Хозяйку попросил, чтобы разбудила в пять утра. Та заспорила:

– Куда ты пойдешь в такой буран?

– У меня мать умирает.

Утром проснулся, помолившись, хотел уже выходить из дома. Но хозяйка, подойдя ко мне, спросила:

- Вы батюшка?

- Да. Как ты узнала?

- Мой отец покойный сегодня приснился, сказал: "...Тяжело мне в земле лежать. В твоём доме нынче батюшка ночует. Попроси его, чтобы меня отпел".

- Как звали отца?

- Василий. Умер в 1935 году.

Я объяснил, что нет сейчас ни кадила, ни других вещей, нужных для отпевания. Но при ближайшей возможности отца её отпою обязательно».

Отца этой женщины отец Серафим поминал всю жизнь, благодаря Бога за всё.

Пошёл он дальше по бурану. Путь лежал в татарский совхоз. Но попал он почему-то в другое, большое село. Сбился, видимо, с пути. При входе в село - дом с копной соломы на воротах, что значит: проезжий дом. Но туда нельзя, там вполне могут о нём сообщить или ждать. На самом краю села увидел покосившийся дом, покрытый соломой, с подслеповатыми окнами, заткнутыми соломой. Постучавшись, попросился на ночлег. «Не могу, - ответил ему женский голос, - отец у меня умирает». О. Мисаил сказал, что идти ему некуда и, решившись, вошел в дом. Слезы блеснули у него на глазах, когда он увидел теплившуюся пред образами лампадку. Редко в каком доме такое теперь увидишь.

Хозяйка, увидев, что у него длинные волосы и борода, с надеждой спросила:

- Вы священник?

- Да, священник.

- Вас нам Сам Бог послал.

В избе под иконой святителя Николая отходил ко Господу старик. Обратившись к о. Мисаилу, старик умоляюще произнёс: «Причастите!». С собой у о. Мисаила ничего не было. Дочь старика вынесла ему новое полотенце. О. Мисаил перекинул его через шею, и получилась епитрахиль, стал исповедовать старика. Он сразу после Исповеди умер. Оказалось, эти люди жили келейно – в Бога крепко веровали, в колхоз не вступали. Так Господь в очередной раз привел его к своим, к тем, кто ищет его помощи.

Девять месяцев скрывался о. Мисаил в немецкой слободе. Жил в немецкой семье: муж, жена, двое малюток. Знали они, что постоялец – православный священник. В вечер на Крещение о. Мисаил принес ведро воды, освятил воду, погрузив крест. Холодной водой умылся и выпил. Хозяину тоже захотелось, но инок не разрешил: «Нельзя вам. Вы иноверцы». Эта немецкая семья была меннонитами. Стали они о Православии спрашивать. А потом захотели принять Православие, крестившись. Поставили дома кадку, нанесли воды, и всю их семью о. Мисаил крестил.

Где только не пришлось скрываться о. Мисаилу от ищущих его солдат. На чердаке в сене,

которое прокалывали штыками, в коптильне, в колодце, в овраге. Один раз под койкой, на которой сидел энкаведешник, который допрашивал хозяев. «Вот проклятый одноглазый поп! – жаловался он. – На него всесоюзный розыск объявлен, а мы не можем его схватить».

Как-то о. Мисаил шел по степи, за спиной замигал свет фар машины, ехали по следам. Рядом протекала небольшая речушка, заросшая камышом. Зайдя в воду по подбородок, он стал незаметен преследовавшим. В него стреляли по камышу, но не попали. Еще девять километров он прошел весь мокрый. В деревне, куда он зашел почти без сил, организовали сбор молока со всех дворов и отогревали его горячим молоком в кадке. Так и спасся.

В 1955 году о. Мисаил благополучно вернулся в Среднюю Азию. Там его всё-таки арестовали. Епископ Ташкентский Ермоген (Голубев, 03.03.1896–07.04.1978), взяв его на поруки, отправил в г. Пржевальск. С 1955 по 1956 год о. Мисаил был псаломщиком Троицкой церкви г. Пржевальска Иссык-Кульской области. В ссылке произошло несколько интересных случаев.

О. Мисаил часто ходил в местную поликлинику, так как после многих лет скитаний здоровье его оказалось подорванным. Его хорошо знал весь персонал. Однажды главный врач больницы попросил о. Мисаила побывать на сеансе приехавшего из Москвы врача-гипнотизёра. О.

Мисаил долго отказывался, но пришлось согласиться. В актовом зале собрался весь больничный персонал.

Гипнотизёр обратился почему-то сразу к о. Мисаилу:

- Вы отрицаете силу гипноза?

- Нет, не отрицаю, а только считаю эту силу бесовской.

Гипнотизёр приступил к гипнозу, но на о. Мисаила его чары не действовали, так как он все время творил Иисусову молитву. Как ни напрягался «целитель», никакого результата не добился.

- Снимите крест! - закричал гипнотизёр. - Он мне мешает работать.

- Для вас крест просто бляха, а для меня святыня, и потому снять его я никак не могу.

- Ну, тогда не молитесь. Я чувствую, что вы молитесь.

- Я монах и не могу не молиться.

Отчаявшись, гипнотизёр отвернулся и направил свою бешеную энергию на собравшихся в зале. Что тут началось! Все завизжали. Ктото упал на четвереньки, кто-то полез на стену... Главврач долго потом извинялся за странный «сеанс».

А вечером к о. Мисаилу пришёл домой сам гипнотизёр. «Я не знал, - признался он, - что есть сила больше той, которой я обладаю». Он рассказал, как в Москве учился гипнозу, какие при этом были бесовские видения. Он сказал,

что больше не хочет лечить людей гипнозом. О. Мисаил исповедовал его. Вскоре бывший гипнотизёр принял монашество и умер в сане архимандрита.

Ещё был случай. В Пржевальске к о. Мисаилу ходил 15-летний симпатичный юноша, сын председателя горисполкома. Был он верующий, но скрывал это от родителей. На вид он казался гораздо взрослее своих лет. Однажды его пригласили «дружкой» на свадьбу, он пришел за благословением, о. Мисаил благословил его идти на свадьбу, но почему-то сказал: «Когда сядешь за стол, подадут тебе стакан с вином. Ты сразу не пей. Опустит под стол и там потихоньку перекрести, чтобы кто не навел на тебя порчу и не приворожил». Ночью к о. Мисаилу приехали милиционеры и отвезли в участок, там он увидел своего юного знакомого, а на столе лежал стакан без дна. Доньшко лежало рядом, отрезанное ровно, будто алмазом. «Ваша работа? – спросил с угрозой узбек-милиционер. – Вы кле-ем приклеили стакан, чтобы все подумали, что вы совершили чудо».

Когда юноше одна молодая женщина поднесла стакан с вином, он опустил его под стол и, по совету о. Мисаила, перекрестил. Дно у стакана неожиданно отвалилось, и вино пролилось ему на брюки. Он ужаснулся случившемуся. Понял, его хотели «присушить», не сдержался, запустил этим стаканом в женщину. Произошёл

скандал. Приехала милиция. Он рассказал, что перекрестил стакан, вспомнив совет о. Мисаила. Вскоре священника отпустили, он сумел убедить милицию, что никак не мог заклеить стакан, ибо не знал, в каком доме была свадьба и кто будет подносить вино.

О своей дальнейшей судьбе отец Серафим рассказывает так:

«В начале 1956 года владыка Ермоген (Голубев) с сопроводительным письмом отправил меня в Москву к Патриарху Алексию I (Симанскому, 08.11.1877–17.04.1970). Девять дней прожил я у Святейшего в Чистом переулке, а потом, по его благословению, уехал в Одессу. С марта 1956 года пребывал в числе братии Свято-Успенского монастыря г. Одессы на различных послушаниях, в том числе помощником уставщика и келейником митрополита Нестора (Анисимова, 09.11.1885–4.11.1962) и архиепископа Даниила (Юзвюка, 14.10.1880–27.08.1965). Шёл 1956 год. В этот год многие репрессированные архипастыри возвращались из мест заключения. Время было тревожное, но светлая память о сотнях, тысячах наших братьев во Христе, пострадавших за веру, отнимала у нас страх и вселяла упование на что-то светлое впереди.

Только приехал я в Одессу, звонит из Москвы Даниил Андреевич Остапов, с детских лет бывший келейником у Патриарха Алексия I, и

даёт нам задание: встретить прибывающего из тюрьмы владыку Даниила (Юзвюка). Владыка Даниил во время войны управлял белорусскими приходами, находящимися на территориях, оккупированных фашистами. И после освобождения Белоруссии советскими войсками формальной причиной его ареста было то, что он, шантажируемый фашистами расстрелом всех православных священнослужителей Белоруссии, был вынужден официально поздравить с днём рождения Адольфа Гитлера. В заключении владыка Даниил провел шесть страшных лет. В тюрьме он окончательно подорвал здоровье и ослеп. Мы не могли удержать слёз при виде этого глубокого старца – слепого, с изможденным лицом, но когда он сказал нам всего несколько слов, мы поняли, что перед нами богатырь духа.

На следующий день – снова звонок из Москвы. На этот раз нам предстояло встретить митрополита Нестора (Анисимова). Владыка Нестор провёл в заключении восемь лет. В тюрьме он тяжело заболел водянкой, и всё его тело было опухшим. Мы встречали его с носилками.

Владыка видел всех нас в первый раз, но всё спрашивал и спрашивал сквозь слезы:

– Деточки, родненькие, вы откуда?

– Я, владыка, только из Средней Азии вернулся, – отвечал я.

– А чей будешь?

- Схиепископа Петра духовный сын.
- Петра Ладыгина?! - воскликнул митрополит.

- Да!

Тут же достал он из тюремной кирзовой сумки крест и, благословляя меня, сказал:

- Отныне и до моей кончины будешь моим духовником.

Долго плакали мы со смешанным чувством горя и радости, вспоминая уже почившего к тому времени высокочтимого владыку Петра. Так я, молодой монах, имея от роду 33 года, стал духовником легендарного российского архипастыря митрополита Нестора (Анисимова).

У святых ворот Одесского Успенского монастыря нас встречала вся братия во главе с архимандритом Назарием - 90-летним старцем, еще до революции награжденным тремя наперсными крестами. Рядом с отцом Назарием стояли четыре заслуженных архипастыря. Все только что прибывшие из мест заключения. Это были: уже упомянутый мною архиепископ Даниил (Юзвюк), митрополит Серафим (Лукьянов, 23.08.1879-18.02.1959), епископ Феодор Аргентинский (Текучев, 14.05.1908-03.04.1985), духовный сын владыки Вениамина (Федченкова, 02.09.1880-04.10.1961) и архиепископ Иоанникий Красноярский (Сперанский, 31.12.1885-02.11.1969). Когда мы подошли к святым монастырским воротам, владыка Нестор попро-

сил опустить его на колени. Мы исполнили его просьбу, и он долго плакал, припав к монастырской земле. А затем старые архиереи – все уже седовласые старцы, не видевшиеся друг с другом по 10 и более лет и претерпевшие за эти годы суровые испытания, долго и трогательно обнимались.

За что послал мне Господь такую радость – назначили меня келейником всех пяти архиереев. А в мае в Одессу на патриаршую дачу приехал Святейший Патриарх Алексий I. И опять я, недостойный, был награждён большим утешением. Благословили меня каждое утро ходить к Патриарху, вычитывать молитвенное правило. У Святейшего были больные ноги, и, когда я вычитывал правило, он всегда сидел на кровати в простой зеленой рясе, опершись на палочку.

Святейший часто приглашал старцев-архиереев к обеду. Пища всегда была очень простая. Завтрак, как правило, состоял из квашеной капусты с мёдом и ржаного хлеба. Обеды были немногим богаче. А какие беседы велись за этим столом! Я тихо сидел, благоговей от мудрых, исполненных смирения и любви, речей этих старцев. При мне бывали здесь и архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий, 27.04.1877–11.06.1961, канонизирован в августе 2000-го года Русской Православной Церковью в сонме новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания; память 29 мая (11 июня), и профессор Владимир Петро-

вич Филатов с супругой Варварой Васильевной, а также профессор Владимир Евгеньевич Шевелев и многие другие истинные рабы Божии.

Но недолгой была наша радость. Вскоре, под Ильин день, всем проживающим в Одесском монастыре архиереям было «предложено» советскими властями разъехаться по разным дальним обителям. Владыка Нестор, перед тем как уехать в Балтский Феодосиевский монастырь, спросил Патриарха: «Ваше Святейшество, благословите отца Мисаила (мое монашеское имя) быть моим духовником».

Святейший благословил. Это благословение и позволило мне быть вместе с митрополитом Нестором до последних дней его жизни.

Вскоре, в 1956 году, владыка Нестор был назначен управляющим Новосибирской и Барнаульской епархией. В те годы во всей Новосибирской епархии, охватывающей почти всю Восточную Сибирь, оставалось лишь 50 действующих приходов. Владыка, несмотря на слабость своего здоровья, часто выезжал в самые дальние, затерянные в сибирской тайге приходы. Сибирь очень напоминала ему Камчатку, где он еще молодым иеромонахом совершал миссионерские подвиги. А когда владыка вспоминал про Камчатку, у него всегда наворачивались на глаза слезы.

Через два года произошла неприятная история, послужившая поводом несправедливо-

го удаления митрополита Нестора на покой. В первый день Великого поста, когда владыка читал канон Андрея Критского, в храме произошло смятение. Священник Алексей Осипов, по гордыне своей ополчившийся на митрополита, убежал из алтаря, а его духовные чада – несколько женщин-кликуш – с бранью и нечленораздельными воплями набросились на Владыку и сорвали с него клобук и мантию. Вскоре в Москве главный уполномоченный по делам религии В. Куроедов принял решение «О неспособности митрополита Нестора, по старости, управлять Новосибирской епархией».

Мы переехали в Жировицкий монастырь. Но владыка до такой степени был возмущён подобным решением, что заявил, что в случае, если его «не назначат управляющим епархией, как старейший митрополит, он будет требовать суда перед Вселенским патриархом». Во избежание шумного дела советские власти позволили назначить митрополита Нестора на Кировоградскую кафедру. Я последовал за владыкой.

Митрополит Нестор

Митрополит Нестор, миссионер по призванию, был удивительно любвеобильным, ласковым пастырем. Жил он исключительно для людей, готовый все отдать для их благополучия

и личного счастья. Деньги не задерживались у него более одного дня. А когда он встречал человека, которому нужна была помощь, а помочь было нечем, владыка посылал меня к казначею епархии взять необходимую сумму в счёт его будущей архиерейской зарплаты. И получалось так, что зарплату владыка никогда не получал. Более того, уже после его смерти обнаружилось, что он должен епархии 38 тысяч рублей. Деньги немалые. Доложили Святейшему. А Патриарх сказал так: «Считать деньги эти истраченными на дела милосердия. Митрополит Нестор ни копейки не взял для себя».

Каждый день в архиерейский дом приносили десятки писем и телеграмм. Стараясь никого не оставить без ответа, целыми ночами разбирал Владыка эту корреспонденцию. Но всё равно даже после его кончины осталось два полных чемодана нераспечатанных писем.

Его архиерейский дом часто напоминал вокзал. Кто-то постоянно приезжал, кого-то провожали. Когда же Владыка оставался один, он просто заболел. Но это случалось редко. К нему непрерывным потоком ехали все, кто нуждался в поддержке и помощи. Столетних старцев он называл "деточки". Он одинаково принимал заслуженных архиереев и нищих странников. Иногда у нас собиралось сразу по 1015 архиереев.

А какие архиерейские службы совершались в Кировоградском кафедральном соборе, ког-

да сразу десять архипастырей совершали богослужение! В будничные дни служили в нашей домово́й церкви. Митрополит Нестор распределял, кому из архиереев читать шестопсалмие, кому часы и так далее. Я чаще всего служил, а владыка Нестор пономарил – сам кадил и носил подсвечники. Архиереи пели и читали всё сами. «Ну, святители Божии, – часто обращался владыка Нестор к собравшимся у него архипастырям, – давайте устроим архиерейские говения».

И все владыки несколько дней строго постились, а затем исповедовались и причащались Святых Таин. Почти каждую ночь в архиерейском доме Владыка постригал кого-нибудь в монашество. Делалось это в строжайшей тайне. Игуменья Киевского Введенского женского монастыря матушка Елевферия, присылая нам в Кировоград для пострига несколько послушниц, в сопроводительном письме писала: «Дорогой мой папочка. Посылаю тебе козляточек, верни мне ягняточек. Ваша дурочка Елевферушка». Легендарная была игуменья. Когда владыка Нестор бывал в Киеве, он всегда навещал матушку Елевферию. А как любили митрополита Нестора сестры Введенской обители! После службы они всегда собирались в большом зале, где впереди на двух креслах сидели сам владыка с игуменьей, а у их ног, прямо на полу, размещались сестры обители. Монахини плакали от речей любимого архи-

пастыря. Владыка и сам порой не стеснялся расплакаться у всех на глазах.

«Вы бескровные мученицы за Христа, – увещевал он. – Вас не будут ни резать, ни жечь, ни бросать на съедение львам, вас родные не будут пускать на порог, и священники выгонят из церквей. И все это следует вам потерпеть».

Каждую субботу владыка Нестор исповедовался. Семь лет я был его духовником, и каждая его Исповедь была ступенькой моего личного духовного роста. Я учился у него внимательному, даже придиричивому отношению к каждому своему слову, поступку. Себя он искренне считал величайшим грешником, потерянным человеком. Зато как сильно радовался он добрым делам живущих с ним рядом людей. Для него все были если не подвижники, то непременно добрые, милые люди. Он умел оправдывать любые человеческие недостатки. Свои же мельчайшие проступки возводил в ранг преступлений. «Как в чистой комнате мельчайшие пылинки бывают заметны, так и в доброустроенной душе всякое прегрешение видно сразу», – говорят святые отцы. И Владыка так сокрушенно каялся и плакал о грехах своих, что нередко я, духовник его, призванный быть судьей и наставником, ласково успокаивал Владыку, уверяя, что грех его не так уж и велик.

Каждый год в Кировограде владыка Нестор устраивал епархиальные семинары. Со всех при-

ходов съезжались священники. Какая любовь царила на этих собраниях! Мститые протоиереи и молодые батюшки слушали Владыку, затаив дыхание, а он всегда говорил очень просто, но живо и искренне. Его речь увлекала, заставляла переживать. Однажды один старец – митрофорный протоиерей, растроганный словами архипастыря, сказал:

– Владыка святой, как хорошо, если бы вы прямо сейчас всех нас исповедовали.

– Деточки мои, – ответил владыка, – если я вас исповедую, то вынужден буду почти всех вас запретить в служении. Вот скажут тогда: «Хороший митрополит, сам церкви позакрывал».

Владыка Нестор был человеком бесстрашным. Сколько раз по ночам вызывали его в ГПУ. Там ему угрожали арестом, требуя закрытия какой-либо церкви. А Владыка, в рясе, с царскими наградами на груди, смело стоял перед безбожниками и говорил: «Через мой труп. Я только строил и никогда не ломал».

Во всей епархии в годы правления митрополита Нестора не было закрыто ни одной церкви. Зато через три месяца после его кончины из 320 приходов Кировоградской епархии осталось лишь около 30.

Владыка Нестор очень чтит архиепископа Андрея Уфимского, князя Ухтомского. Еще в молодости, в городе Казани, он был его келейником. Владыка Андрей и благословил тогда еще

молодого иеромонаха Нестора ехать на Камчатку, просвещать светом Христовой истины прозябающих в язычестве камчадалов. Владыка Нестор, вспоминая его, со слезами на глазах говорил: «Кто счастливее меня на свете? Я семь лет просидел у ног великого аввы владыки Андрея Уфимского».

В 1957 году, когда архиепископа Андрея давно уже считали умершим то ли в ярославской тюрьме, то ли в сибирской ссылке, к нам в Новосибирск приехал с Колымы один старый батюшка. Он поведал, что владыка Андрей Уфимский жив и находится на вечном поселении, без права переписки, в местечке Кресты. С ним проживают ещё три монахини. После этого известия владыка Нестор тут же отправился в Москву с ходатайством об освобождении архиепископа Андрея. Но в ГПУ ему ответили строго и однозначно: «Освобождению не подлежит».

Так и осталось загадкой – где и когда скончался пламенный борец за чистоту православия, мудрейший архипастырь и духоносный старец, владыка Андрей, князь Ухтомский.

Часто рассказывал митрополит Нестор о своей удивительной встрече с блаженной Пашей Саровской. В 1907 году, будучи иеромонахом, он приехал в Петербург просить у Императора помощи для голодающих камчадалов. А на обратном пути решил он заехать в Саровский монастырь. Поклонявшись мощам преподобно-

го Серафима, отец Нестор отправился в Дивеевскую обитель, где в подвиге юродства подвизалась известная всей России блаженная Паша. Отец Нестор с детских лет чтит ее как величайшую подвижницу и аккуратно собирал все газетные и журнальные статьи, посвященные блаженной, так что у него с течением времени накопились целые папки. И вот он оказался на пороге кельи юродивой. Очень волнуясь, отец Нестор произнес входную молитву и, услышав в ответ: «Аминь», отворил дверь.

Блаженная, уже седовласая старица, сидела на полу в широком красном сарафане и хомутовой иглой шила из цветных лоскутков куклу. Вдруг резко подняв голову, она закричала: «А, Нестор пришел! Вот когда будешь в Саровском монастыре, тогда...» (далее следовала черная брань). После этих слов молодой иеромонах, столько лет почитавший блаженную, выскочил от нее, словно ошпаренный. Тут же сел он в карету и вернулся в Саров. Там обошел всех монахов, желая понять смысл такого поступка блаженной. Но все отсылали его к старцу-затворнику, который жил в маленькой избушке в лесу. Все окна в избушке были покрашены белой краской, лишь в одном была проделана маленькая форточка, через которую затворник благословлял посетителей. На недоумение отца Нестора старец ответил: «Не уезжай на Камчатку, навести еще раз блаженную Пашу». Послушался его отец Нестор

и, как ему ни не хотелось, все же поехал в Дивеево второй раз.

Только вошел он в уже знакомую ему келью, как тут же оказался в объятиях блаженной. Словно родная мать, обрадованная внезапным возвращением сына, она то бросалась его целовать, то суетливо усаживала за стол. «Самовар, подать самовар», – кричала она. Потом блаженная Паша поила отца Нестора чаем и без меры подкладывала в его чашку сахар.

Спустя много лет вновь оказался владыка Нестор в Саровском монастыре. Теперь здесь размещалась тюрьма. Живя в одном бараке с уголовниками, много пришлось ему претерпеть. В воздухе, пропитанном человеческим потом и табаком, постоянно звучала площадная брань.

«Эх, Паша, Паша!» – восклицал Владыка, вспоминая пророческие слова блаженной: «Когда будешь в Саровском монастыре, тогда...».

Владыка Нестор очень трепетно относился к Казанской иконе Пресвятой Богородицы. На мой вопрос, есть ли какая-то особая причина этого почитания, он отвечал: «Во-первых, я некоторое время жил в Спасском монастыре в Казани, где находилась чудотворная икона Божией Матери, а во-вторых, в день Казанской иконы я и скончаюсь».

7 мая 1957 г. г. Новосибирск, ул. Пушкина, 11.

Удостоверение. Дано монаху Мисаилу (в миру Томину Михаилу Константиновичу рождения

1924 г. Михаил Томин принявший монашество от руки епископа Петра Уфимского 17 декабря 1946 г. с именем Мисаил. Что и свидетельствуется подписью моей руки и приложением Архидиоцезисной печати Митрополит Нестор Новосибирский и Барнаульский.

Божьей милостью Патриаршая Грамота
Смиранный Алексий

Дана настоятелю Покровской церкви с. Чебаки Новосибирской епархии иеромонаху Мисаилу Томину с благословением за усердные труды во славу Святой Церкви. Патриарх Московский и всея Руси. 04 апреля 1958 г. Москва.

Позади владыки Нестора в черной скуфейке игумен Мисаил (Томин) сопровождает его в поездке по епархии.

На службе

Покровский храм г. Кировограда

Прошло около года, и у владыки обнаружилось воспаление предстательной железы. Он очень страдал. Тогда владыка Нестор часто вспоминал содержание записки, переданной ему отцом Иоанном Сергиевым вместе с маленькой рюмочкой (пузырьком), наполненной какой-то жидкостью. «Отец Нестор, – писал кронштадтский подвижник, – половину испил я, остальное тебе допивать». Было это в 1907 году, когда Владыка отправлялся на Камчатку. Лишь спустя более полувека смысл этой записки стал ясен. Дело

в том, что отец Иоанн Кронштадтский тоже страдал воспалением предстательной железы, от этой болезни он и скончался. «Теперь я допиваю чашу страданий праведного Иоанна», – говорил владыка. Будучи тяжелобольным, страдая от ужасных болей, митрополит Нестор все равно служил. Во время службы его часто держали под руки.

Приближался день Казанской иконы Божией Матери. Болезнь обострялась. Владыка решил ехать в Москву на операцию. Меня с собой он не взял.

«Кто же в нашей церквушке будет служить?», – говорил Владыка. Он очень любил маленькую крестовую церковь в архиерейском доме, освященную во имя Всех Святых, в земле Российской просиявших. Он называл ее «кусочком неба». На прощание Владыка сказал мне:

– В день Казанской иконы Божией Матери Литургию начнёшь в два часа ночи.

– Как в два часа? – удивился я.

– Именно в два, – подтвердил владыка.

Наступил день Казанской иконы Божией Матери. Ровно в два часа ночи, по слову владыки, я начал служить Божественную литургию. А уже к концу службы мне принесли срочную телеграмму. В ней сообщалось о внезапной кончине митрополита Нестора. Умер владыка, как и предсказывал, в четыре часа утра в день Казанской иконы Божией Матери.

В ту ночь в архиерейском доме происходили удивительные события. У Владыки был сибирский кот, очень умный и преданный. Ни у кого не брал он пищу, пока не станет кормить его сам хозяин. Бывало, по несколько дней ходил голодный. Когда же Владыка начинал молиться и перебирать четки, кот всегда уходил прочь, чтобы не мешать. А еще во дворе архиерейского дома жил огромный пёс, который тоже был верным другом Владыки. Пёс сидел на цепи и угрожающе скалил зубы на всех, кто проходил мимо. Но только завидя Владыку, этот страшный зверь вдруг превращался в ласковую собачонку. Он клал лапы на плечи хозяина и нежно заглядывал ему в глаза. А в ту ночь, когда скончался Владыка, кот, разогнавшись по комнате, бросился на стену и насмерть разбился. Пес же всю ночь жалобно выл, а наутро его нашли мёртвым.

После смерти Владыки мне одно за другим на память стали приходить удивительные свидетельства его прозорливости. Митрополит Нестор часто говорил мне: «Архипастыри никогда не умирают по одному. Господь призывает их на Свой суд по трое».

Тогда мне казалась странной эта мысль. Но вот вам факт: епископ Афанасий (Сахаров) умер 28 октября 1962 года, владыка Нестор (Анисимов) – 4 ноября, митрополит Антоний (Романовский) – 7 ноября. Почти за одну неделю скончалось три архиерея. И это не единственный случай.

За девять месяцев до смерти мы были с владыкой Нестором под Москвой, в Переделкине на Патриаршей даче. Тогда, проходя мимо храма, владыка вдруг остановился, оперся на посох, и расплакался.

– Что случилось? – испуганно спрашивали мы.

Он же отмахивался от нас, говоря сквозь слёзы:

– Отойдите, отойдите от меня.

Долго плакал, потом сказал:

– На этом самом месте будет лежать счастливейший из счастливых на планете.

Уже после его смерти Патриарх сам указал это место для захоронения митрополита Нестора. Святейший не мог знать о предсказании Владыки. В гробу у митрополита Нестора был яркий румянец на щеках. Говорили, что это кровь играет. А многие даже предполагали, что он уснул летаргическим сном. На его могиле поставили большой деревянный крест. Впоследствии, по благословению Патриарха Пимена, его заменили на мраморный. Там всегда теплится неугасимая лампада – зримый символ того, что мы помним владыку Нестора и будем помнить его всегда. Да не забудет и он нас в своих молитвах у Престола Небесного!».

С 30 июля 1956 года архиепископ Борис (Вик, 28.11.1906–16.04.1965) перевёл отца Мисаила в Балтский Феодосиевский монастырь

Одесской области. Здесь он был помощником уставщика и келейником епископа Гавриила. С 1 сентября 1956 года по вызову митрополита Нестора – духовник и священнослужитель Вознесенского собора г. Новосибирска. С 14 марта 1957 года – настоятель Покровской церкви села Чебаки, Ширинского района, Красноярского края. Здесь по представлению митрополита Новосибирского и Барнаульского Нестора (Анисимова) от 25 апреля 1958 года, ко дню Святой Пасхи 1958 года за труды на пользу Святой Церкви, за основание иноческой общины при Свято-Покровском храме села Чебаки, о. Мисаил был удостоен высокой награды и за Божественной литургией в неделю Входа Господня во Иерусалим возведён митрополитом Нестором в сан игумена.

В 1958 году переведён на настоятельское место в Дмитриевскую церковь города Алейска Алтайского края.

С 22 сентября 1958 года – в Оренбурге.

С 22 апреля по 15 июня 1959 года – настоятель Казанской Крестовой церкви и сверхштатный священник Никольского кафедрального собора г. Оренбурга.

15 июля 1959 года митрополитом Нестором (Анисимовым) назначен настоятелем Крестовой церкви с поручением обслуживать приходы Никольский с. Калиновки и Михайловский с. Донино-Кашинка Кировоградской епархии.

С 20 января 1961 года настоятель Крестовой церкви города Кировограда.

В 1962 году митрополитом Нестором (Анисимовым) награждён палицей, на праздник Покрова Божией Матери возведён в сан архимандрита.

После смерти митрополита Нестора (Анисимова) в 1962 году два года о. Мисаил был за штатом в г. Кировограде.

Глава 5

Оренбургский период. Владыка Леонтий (Бондарь)

С 1964 года о. Мисаил переехал в Оренбург, жил на улице Куйбышева, 18а, был за штатом и пенсионером Московской Патриархии. 24 марта 1970 года Его Святейшество, Патриарх Алексий II (Ридигер, 23.02.1929–05.12.2008), наградил о. Мисаила юбилейным крестом с украшениями.

О. Мисаил в это время жил в Оренбурге по улице Красноармейская, 12.

Он по благословению владыки Леонтия (Бондаря, 07.05.1913–24.01.1999) тайно постригал в монахи и в монахини, особенно матушек, бывших послушниц Успенского женского монастыря. Некоторые случаи как-то становились известны властям. Вызывает уполномоченный владыку Леонтия.

– Леонид Фадеевич, да что это такое! Что себе позволяет Томин?! Монастырь тайный открыл, сделал себе «парикмахерскую», и всю ночь стрижёт и стрижёт. Запрещаю!

– А вы знаете, кому вы запрещаете? – с улыбкой так, мягко отвечает ему Владыка.

– Кому? – недоверчиво, чувствуя подвох, спросил уполномоченный.

– Это тот Мисаил, который в VII веке до Рождества Христова горел в вавилонской печи и не сгорел. Он жжёт меня и вас! Так-то!

– В каком смысле «жжёт меня и вас»? – не понял уполномоченный.

– Разве вы не читали Библию? – уже укоряюще произнёс владыка. – В печи вавилонской за веру в единого Бога за то, что не поклонились идолам царя Навуходоносора, должны были подвергнуться огненной смерти три отрока: Анания, Азария и Мисаил. Вот о. Мисаил и есть тот отрок, который горел и не сгорел. Жжёт меня и вас. Так что сделать ничего не могу. До свидания.

Уполномоченный не потерпел такого осмеяния, вызывает о. Мисаила и грозно приказывает прекратить постриг. О. Мисаил ответил: «У каждого свой долг. Вы атеист, я христианин. И я на то поставлен игуменом, чтобы постригать! Хотите запретить, запрещайте. Посадите меня в камеру, и не буду постригать. Пока я не в камере – постригал и буду постригать. А если вы пожелаете, моя рука не дрогнет, и вас постригну!»». Рассвирепевший уполномоченный выгнал о. Мисаила с угрозами, но сделать ему ничего не мог.

Лет через двадцать после этого случая произошла еще одна встреча с тем самым уполномоченным. Когда о. Серафим вернулся с Горы Афон и брал в кассах на улице Туркестанской авиабилет для своего друга архимандрита Антония, его окликнул некий человек: «О. Мисаил, подойдите». Когда о. Серафим подошёл, он не узнал бывшего чиновника – поседевший, поста-

ревший, он был уже совсем не похож на бравого уполномоченного.

- Садитесь около меня, - попросил тот человек отца Серафима. - Я слышал, вы были за границей, приехали с Афона. У вас, кажется, новое имя?

- Да, я теперь отец Серафим.

- Отец Серафим, я искренне прошу у вас прощения, что я над вами так издевался, а я невиновен в этом. Вышестоящие власти приказывали мне, и я так поступал. Извините меня.

Так, по молитвам о. Серафима, бывшие недруги обращались к покаянию.

Мечта о том, чтобы попасть на Афон, не оставляла о. Мисаила. Когда он гостил на даче у Патриарха Алексия I (Симанского) в Переделкине, Патриарх подал ему надежду: «Ты знаешь, сейчас ожидается разрешение греческих властей на проезд монахов из России на Афон. Молиться надо, чтобы Господь дал, чтобы афонский русский монастырь к России вернулся». Поясним, что к тому времени в Русском Свято-Пантелеймоновом монастыре на Афоне оставалось только восемь столетних старичков.

С 4 января по 13 мая 1971 года о. Мисаил - настоятель Георгиевской церкви с. Ярышева Гаврило-Посадского района в Ивановской епархии.

В 1971 году о. Мисаил получил приглашение от грузинского Католикоса-Патриарха Ефрема

(Сидамонидзе, 19.10.1896–07.04.1972) переехать на жительство в Грузию. О. Мисаил продал дом на ул. Красноармейской в Оренбурге, уже при­смотрел дом в грузинском городе Лагодехи, дал задаток. Проездом из Грузии в Оренбург зашел в патриарший собор в Москве, начиналась всенощная. Службу вел Местоблюститель патриаршего престола митрополит Пимен (Извеков, 10.07.1910–03.05.1990). При встрече он сделал о. Мисаилу неожиданное предложение:

– Мисаилушка! Куда ты пропал, куда делся! Мы ищем тебя отправить на Афон, а найти не можем.

– Ваше Святейшество, а я уже в Грузию собрался, дом продал!

– В какую Грузию, никакой Грузии, поедешь на Афон!

– Я с радостью, мне старец Петр предрёк, что я буду на Афоне! Матушка Зосимия предсказывала, что я на Афоне буду.

– Завтра в Патриархию приезжай за оформлением документов. О. Мисаил оформил и потом целых пять лет ждал визы. Приехал в Оренбург, купил дом на Сызранской 37а.

С 1971 по 1975 год – опять за штатом в любимом Оренбурге. Из послужного списка игумена Мисаила (Томина) можно почерпнуть следующую характеристику, данную ему архиепископом Оренбургским и Бузулукским Леонтием (Бондарем) 9 июня 1975 года за № 100: «Игумен

Мисаил (Томин) высокой духовной жизни заштатный клирик Оренбургской епархии. Ревностный священнослужитель, средоточие кипучей энергии, большой знаток обиходного пения, и хотя в отношении слуха наблюдается некоторая ограниченность, благодаря обладанию высоким тенором, в исполнении песнопений духовенством незаменимый. Познания в области церковного устава глубоки. Всегда стремится и участвует в чтении на клиросе, и при том чтец прекрасный. Одно прискорбно, что игумен Мисаил не обладает железным здоровьем. Но и это обстоятельство не мешает ему, если только он не прикован болезнью к постели, ежедневно посещать утренние и вечерние богослужения, совершаемые в кафедральном соборе».

Глава 6

На Святой Горе Афон

На Афон о. Мисаил привёз три тонны всяких вещей – рясы, подрясники, ризы, сапоги. Назначили на Афон от Московской Патриархии 29 человек, но комиссию окончательно прошли только девять. Кроме о. Мисаила был иеромонах Илья и иеродиакон, остальные послушники. О. Мисаила назначили благочинным, ризничным, уставщиком и духовником Русского Свято-Пантелеймонова монастыря. Также он выполнял послушания встречать и размещать всех паломников.

С Афона в 1979 году он приезжал в Оренбург на лечение, жил около трёх месяцев. О. Мисаила мучила глаукома, операцию сделал профессор Леонид Феодосьевич Линник, заведующий кафедрой глазных болезней областной больницы.

Из Оренбурга о. Мисаил привёз на Афон много нужных вещей, среди них пятьдесят пар хромовых солдатских сапог. Одну пару из них передал ему один знакомый, живший недалеко от него в Оренбурге, который был «мормоном». Проходя мимо одной пещеры-ямы подвижника, о. Мисаил взял одну пару сапог и отдал их, не имеющему обуви старцу. Он же, вдруг подняв их, со словами по-гречески: «Оренбург, мормоны», кинул их в небольшой костер, горевший посреди пещеры. Приехав в Оренбург в очередной раз

о. Мисаил, встретившись со своим знакомым, рассказал ему про историю гибели его сапог. Заплакав от рассказа, этот старик раскаялся в своем заблуждении, в котором он был будучи «мормоном», и был крещён о. Мисаилом. Мормоны не простили о. Мисаилу такое, пытались поджечь дом. Но дом, облитый бензином, не горел. «Он – колдун» – распространилась после этого у них версия случившегося.

В 1980 году исполнилось 36 лет его монашества. Его вызвали в Священный Кино́т Афона (орган управления всеми афонскими монастырями) и в очень торжественной обстановке поздравили с этой датой. Сказали, что о. Мисаил выдержал много испытаний в безбожной России и поэтому достоин принятия схимы. О. Мисаил прослезился. Это случилось в декабре. А за несколько месяцев до этого он ходил в Священный Кино́т из русского Свято-Пантелеймонова монастыря, чтобы отчитаться о посещении Афона делегацией из России. Возвращался о. Мисаил в свой монастырь узкой тропинкой. Путь его лежал мимо монастыря Ксиропотам. Смотрит, у канавы идет старец-пустынник. О. Мисаил знал, что пустынники есть на Афоне, но до этого никогда не встречался ни с одним из них; на отшельнике были локуты вместо одежды, под ними виднелось тело. Он был подпоясан кожаным поясом, в руках чётки. Волосы космами спадали с плеч. Ноги черные, все в рубцах и запек-

шейся крови. Легко шел он босиком по камням и колючкам.

– Благословите, отче, – обратился о. Мисаил к пустыннику.

– Бог благословит, отец Серафим.

– Отче! Я не Серафим, я Мисаил! – воскликнул о. Мисаил.

– Мисаил умер! Серафим Саровский, Серафим, – ответил старец.

Что означали его слова? О. Мисаил не мог этого понять. Сняв подрясник, он предложил его пустыннику – так было жалко его, покрытого лохмотьями. «Нет, нет», – отказался пустынник, о. Мисаил заплакал. Тогда пустынник взял подрясник, одел на себя и в благодарность легко, как мальчик, стал класть поклоны, о. Мисаил попытался было делать то же, но вскоре задохнулся, а он продолжал. Потом пустынник обнял о. Мисаила и взял у него благословение (значит, он был простым монахом). Глаза его были светящимися, а лицо – прозрачным! Кости, обтянутые кожей. Сняв ботинки, о. Мисаил предложил их пустыннику, но он не взял. Сказал просто: «Отец Серафим, моим ногам будет в ботинках жарко, а твоим (без них) холодно». Принять шерстяные носки все же не отказался, надел их на свои черные ноги и, поцеловав о. Мисаила, пошел в глубь леса. Оставшись один, о. Мисаил долго смотрел вслед и думал: «Какой я Серафим?».

В схиму о. Мисаила должны были постригать в греческом монастыре перед чудотворной иконой Пресвятой Богородицы «Иверская». Эта икона сыграла особую роль в его жизни. И вот 2 февраля 1981 года на пострижении собралось много заслуженных людей. Был даже губернатор Афона. Постригал в схиму грек, схиархимандрит Максим. А на Афоне в схиму может постригать только схимник. И вдруг на пострижении о. Мисаил услышал: «Постригается схиархимандрит Серафим». Вот когда вспомнилось пророчество афонского пустынника!

На Афоне о. Серафим тяжело заболел, ему сделали в Афинах неудачную операцию по удалению желчного пузыря. Пришлось вернуться в Россию для лечения.

На пристани, когда корабль его увозил из Афона в Россию и он со слезами прощался с братией и монастырём, к нему подошёл греческий старец и сказал: «Отец Серафим! Не плачь. Твоя болезнь не к смерти. Божья Матерь умолила Сына Своего, чтобы Господь послал тебе через эту болезнь дивный афонский монастырь в России». Это пророчество, данное о. Серафиму на Афоне, сбылось, когда в 1996 году возник Свято-Андреевский мужской монастырь в селе Андреевка Саракташского района, действующий и ныне по афонскому уставу.

Из справки, данной 18 февраля 1981 года архимандритом Иеремией со всею о Хри-

сте братией, явствует, что схиархимандрит Серафим (Томин) является насельником Свято-Пантелеймоновского монастыря на Святой Горе Афон. «Игумен обители сей, Священноархимандрит Иеремия с соборными старцами благословляют поездку на родину схиархимандрита Серафима на лечение. Схиархимандрит Серафим в священнослужении не запрещён, находится в каноническом молитвенном общении Вселенского и Московского Патриархатов».

Вернувшись в Оренбург, о. Серафим пролежал девять месяцев в областной больнице, его лечили рентгенотерапией, как он говорит, «с тех пор я потерял все свои силы, стал не человек».

Патриарх Пимен (Извеков) благословил о. Серафима восстанавливать Свято-Данилов монастырь в Москве в качестве благочинного и духовника. О. Серафим не сдавал греческий паспорт, надеясь еще когда-нибудь попасть на Афон, из-за этого его не прописывали в Москве. Патриарх Пимен его уговаривал: «Что вы делаете? Зачем оставляете паспорт?» – «Ваше Святейшество, благословите, я поеду на Афон», – обращался к нему о. Серафим. – «Нет, не поедете, я не благословляю, будете с о. Евлогием восстанавливать Данилов монастырь».

Данилов монастырь представлял в то время печальное зрелище, здесь находилась детская колония, большинство зданий было в аварийном состоянии. Три с половиной года о. Сера-

фим участвовал в его восстановлении, в 1982–1985 годах, братья было всего человек десять. Из-за греческого паспорта о. Серафиму власти поставили условие: или сдавать паспорт, и тогда его пропустят, или выезжать из Москвы. О. Серафим обратился к Патриарху: «Ваше Святейшество, благословите, я поеду на Афон, мне трижды предсказывали, что я умру на Афоне: матушка Зосима, схиархимандрит Петр (Ладыгин) и старец Андрей Варламов». – «Отец Серафим, – обратился к нему Патриарх. – Вы уже умерли. Вы приняли на Афоне схиму – это духовная смерть, считайте, что уже умерли! Пророчества старцев исполнились! Потрудитесь для Церкви, надо помочь в восстановлении Киевской лавры».

Так, по благословению Патриарха Пимена, схиархимандрит Серафим участвовал еще два года в качестве благочинного, духовника в восстановлении Киево-Печерской лавры. В Киеве после чернобыльской катастрофы о. Серафим получил облучение еще большее, чем при рентгенотерапии, упал в обморок. Лечился в Москве, Оренбурге.

В 1990-х годах о. Серафим активно участвовал в восстановлении полутора десятков храмов и приходской жизни в городах Оренбург, Орск, Кувандык; в поселках Саракташ, Пономаревка, Матвеевка, Кармалка.

За многолетнее подвижничество служение Церкви «во внимание к усердному несению

Вами возложенного на Вас послушания» в 2000 году о. Серафим был награжден Его Святейшеством Патриархом Московским и всея Руси Алексием II (Ридигером) Патриаршим Крестом – высшей наградой Русской Православной Церкви.

Глава 7

Последнее послушание старца - Оренбургский Афон

В 1996 году Оренбургскую епархию посетил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Патриарх освящал храм в с. Черный Отрог на родине В.С. Черномырдина. Вместе с митрополитом Леонтием (Бондарем) Патриарху сослужил и о. Серафим. Святейший был знаком с батюшкой много лет и, узнав, что в Оренбургской епархии нет монастырей, но есть небольшая иноческая община, благословил основать монастырь.

Братия тогда жила в доме о. Серафима на Сызранской улице в Оренбурге. В одной из комнат была ломовая церковь во имя великомученика и целителя Пантелеймона – покровителя русского монастыря на Афоне. В годы гонений дом о. Серафима служил прибежищем для многих молодых людей, желающих жития монашеского. Многих батюшка постригал по благословению правящего архиерея. После встречи со Святейшим схиархимандрит Серафим начал подыскивать удобное место для будущего монастыря. По его мысли, это должен был быть какой-нибудь храм в сельской местности, вдали от городов. Таковой вскоре и нашелся в Саракташском районе, в селе Андреевка. Это место как будто было предназначено Богом для основания монастыря.

В 1901 году губернский секретарь Михаил Чистозвонов построил дивный храм, отличавшийся «особым изяществом», как написали в «Епархиальных ведомостях» того времени. Кроме храма была построена церковно-приходская школа и дом для семьи священника. Все постройки чудом не были разрушены в безбожные годы. В храме было колхозное зернохранилище, бывали и пожары, но в целом, после ремонта крыши и внутренней отделки, церковь была готова к богослужению.

В 1995–1996 годах ремонт здесь производился под руководством протоиерея Николая Стремского, настоятеля Свято-Троицкой обители милосердия Саракташа, так что к моменту прибытия первых насельников будущего монастыря ремонт подходил к концу, но не было налажено отопление. Поэтому первое время богослужения совершались в домовой церкви св. апостола Андрея Первозванного, который занял часть дома священника, построенного еще Михаилом Чистозвоновым. Там же жили и первые насельники.

Только в 2000 году был построен новый братский корпус на 15 келий. Отец Серафим по состоянию здоровья не мог жить в монастыре, но регулярно приезжал и оставался на 2–3 дня. Учил братию монастырскому укладу жизни, правильному церковному пению и чтению, наружному поведению и келейному правилу. Старец во всем был первым – и на клиросе, и в различных трудах.

Любил мастерить что-нибудь своими руками для нужд монастыря. Так, например, вместе с братией построил он крыльцо перед входом в братский корпус, сложил русскую печь, в которой и сейчас пекут хлеб. Знал он много различных ремесел и рукоделий. Хотя здоровье не позволяло ему трудиться, как в молодости – сказывались немощи телесные – но дух его был бодр.

В 1998 году Андреевской иноческой общине был присвоен статус монастыря. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II (Ридигер) благословил обитель иконой св. ап. Андрея Первозванного. Икона эта с частицей мощей святого апостола сейчас находится в соборном храме монастыря. В то время правящим архиереем был митрополит Леонтий (Бондарь). Владыка очень утешался тем, что в его епархии, наконец-то, есть монастырь. Послужить в обители он уже не успел, но несколько раз приезжал в Андреевку и благословлял монастырскую братию.

В богослужении отец Серафим придерживался афонских традиций, не позволял сокращений, был приверженцем ежедневного совершения литургии. Распевы ему нравились обиходные, он не признавал новшеств, сказывалось воспитание в традициях дореволюционных. В свободное время любил слушать и петь духовные канты, которых очень много знал на память. До последних лет он часто просил монастырских певчих исполнять его

любимые песнопения, особенно положенный на ноты кондак из Акафиста Божией Матери пред Иверской Ее иконой, и всегда плакал, когда его пели.

По окончании праздничных богослужений отец Серафим собирал братию возле себя и неизменно благодарил за образцовое пение и чтение, воодушевлял. Наставления говорил краткие, но вкладывал в них глубокий смысл: «Где мир и любовь – там и Бог», «Друг друга почитайте, уважайте, жалеите», «Главное – богослужение, остальное приложение».

Старец не был сторонником большого монастырского хозяйства, считал, что это мешает монашеской жизни. В монастыре был только огород и небольшой сад. Не благословлял братии заводить животных. С улыбкой говаривал: «У нас только котики». Котиков этих любил гладить и кормить из своих рук.

Находясь в непрестанных молитвенных трудах, старец все более изнемогал телесно. Порой братия недоумевала, как он еще оставался жив, обремененный столькими болезнями. Лет за пять до кончины он окончательно ослеп. Это было следствие глаукомы. В это время, даже чаще, чем раньше, старец приезжал в монастырь хоть на пару часов пообщаться с братией, послушать акафист в храме, через совместную молитву передать духовный опыт. Батюшка чувствовал, что скоро оставит свой монастырь.

Преставился отец Серафим в своей келье в домике на улице Сызранской 20 января 2013 года. Он завещал похоронить себя в монастыре за алтарем соборного храма Архистратига Божия Михаила, рядом с могилой строителя храма – Михаила Алексеевича Чистозвонова, что и было исполнено.

Семнадцать последних лет жизни старца были отданы любимому детищу – Андреевскому монастырю. Непрестанные молитвенные труды, заботы о нуждах братии – все это принесло благодатные плоды – обитель существует, живет своей жизнью. Монастырь, верится, обрел себе небесного предстателя в лице батюшки Серафима. Братия не осиротела по смерти своего отца, а напротив, более тесно сплотилась вокруг него посредством горячей молитвы. Теперь он рядом с нами навсегда.

До самой своей кончины он духовно руководил монастырем, воспитав целое поколение монашествующих в Оренбуржье. За годы служения отец Серафим проявил себя как добрый, трудолюбивый и ревностный пастырь. Он принимал с любовью всех, кто к нему обращался. И для каждого человека, обратившегося к нему, находил в своём добром пастырском сердце нужное слово, утешал больных, наставлял на путь молодых, призывал людей к любви и вере во Христа Спасителя, к бескорыстному служению Богу, Его Святой Церкви и ближним.

Краткая биография

Родился 8 ноября 1923 г.

В 1937 г. окончил 7-й класс неполной средней школы.

23 декабря 1942 г. призван в РККА. Служил в 63-м запасном строительном полку в пос. Колтубанка Оренбургской области.

5 марта 1943 г. по болезни глаз признан негодным к службе. Ему присвоили вторую группу инвалидности.

С 1943 по 1951 г. – в Тянь-Шанских горах под духовным руководством схиепископа Петра (Ладыгина).

Пострижен в рясофор 11 июня 1944 г.

Пострижен в мантию 17 декабря 1946 г., в этот же день рукоположен в иеродиакона.

Рукоположен во иеромонаха 5 ноября 1947 г.

С 1955 по 1956 г. – псаломщик Троицкой церкви г. Пржевальска Иссык-Кульской области.

С 30 июля 1956 г. архиепископ Борис (Вик) перевёл отца Мисаила в Балтский Феодосиевский монастырь Одесской области. Здесь он был помощником уставщика и келейником епископа Гавриила.

С 1 сентября 1956 г. по вызову митрополита Нестора (Анисимова) – духовник и священнослужитель Вознесенского собора г. Новосибирска.

С 14 марта 1957 г. – настоятель Покровской церкви села Чебаки Ширинского района Красноярского края.

В 1958 г. за основание иноческой общины при Свято-Покровском храме села Чебаки о. Мисаил был удостоен высокой награды и за Божественной литургией в неделю Входа Господня во Иерусалим возведён митрополитом Нестором (Анисимовым) в сан игумена.

В 1958 г. переведён на настоятельское место к Дмитриевской церкви г. Алейска Алтайского края.

С 22 апреля по 15 июля 1959 г. – настоятель Казанской крестовой церкви и сверхштатный священник Никольского кафедрального собора г. Оренбурга.

15 июля 1959 г. митрополитом Нестором (Анисимовым) назначен настоятелем Крестовой церкви с поручением обслуживать приходы Никольский с. Калиновки и Михайловский с. ДониноКашинка Кировоградской епархии.

С 20 января 1961 г. – за штатом по болезни, является только настоятелем Крестовой церкви г. Кировограда.

С 4 ноября 1961 по 1971 г. – по болезни за штатом.

В 1962 г. митрополитом Нестором (Анисимовым) награждён палицей.

17 февраля 1970 г. Патриархом Алексием I награждён юбилейным крестом.

24 февраля 1970 г. награждён крестом с украшением.

С 4 января по 13 мая 1971 г. – настоятель Георгиевской церкви с. Ярышево Гаврилово-Посадского района Ивановской епархии.

С 13 мая 1971 г. – по болезни за штатом.

С августа 1976 по февраль 1981 г. – на Святой Горе Афон в Свято-Пантелеймоновом монастыре.

В 1982 г. по болезни вынужден был уехать в Россию.

С 1982 по 1985 г. участвовал в возрождении Свято-Данилова монастыря в Москве.

С 1985 по 1986 г. – в Киево-Печерской лавре.

В 1990-х годах о. Серафим активно участвовал в восстановлении полутора десятка храмов и приходской жизни в городах: Оренбурге, Орске, Кувандык; в поселках: Саракташ, Пономаревка, Матвеевка, Кармалк.

12 апреля 2000 г. удостоен высшей награды Русской Православной Церкви – права ношения Патриаршего креста.

В 2004 г. награжден международной премией апостола Андрея Первозванного «За веру и верность».

С 1996 по 20 января 2013 г. – строитель и духовник Свято-Андреевского мужского монастыря Оренбургской епархии.